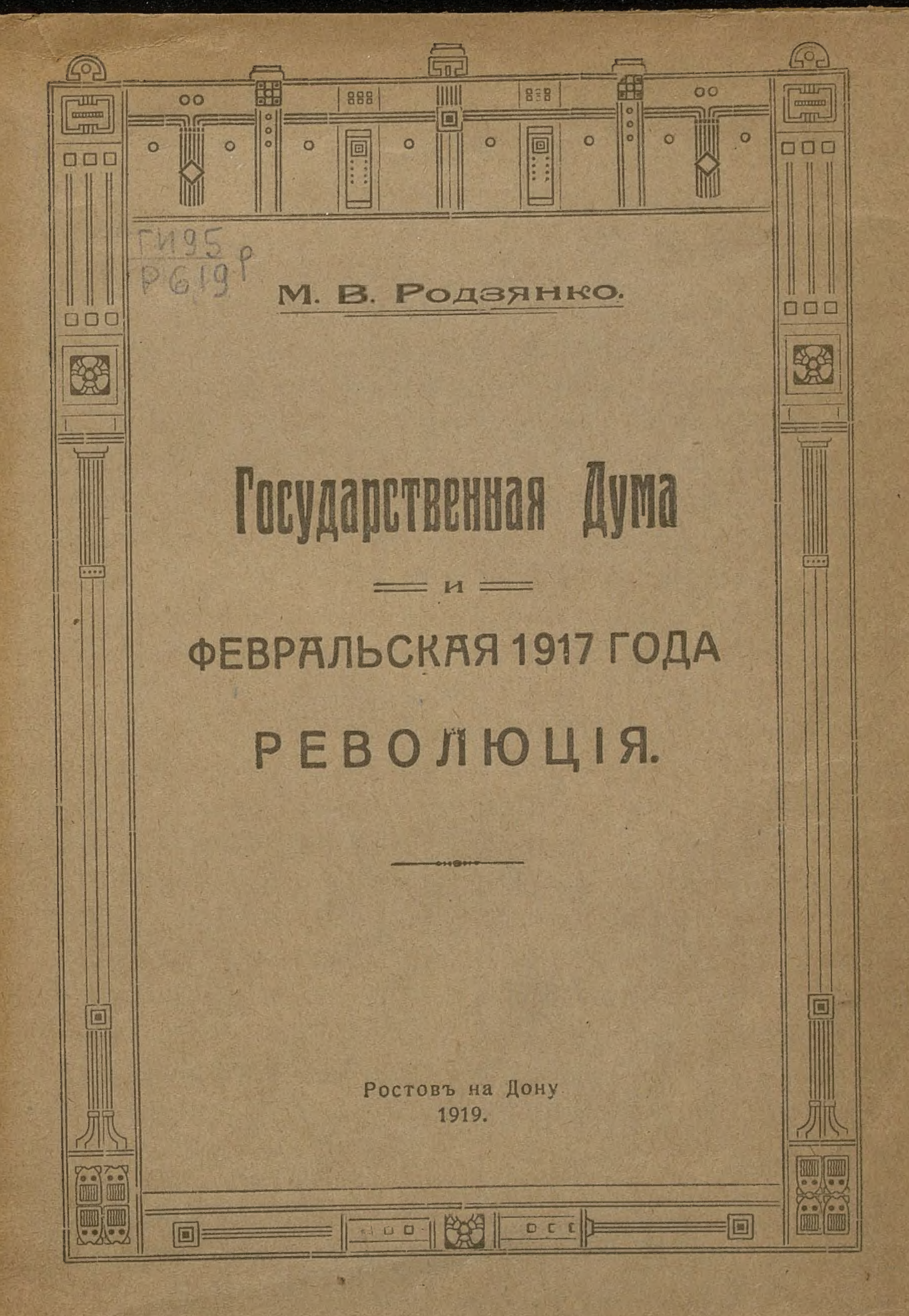

М. В. Родзянко.

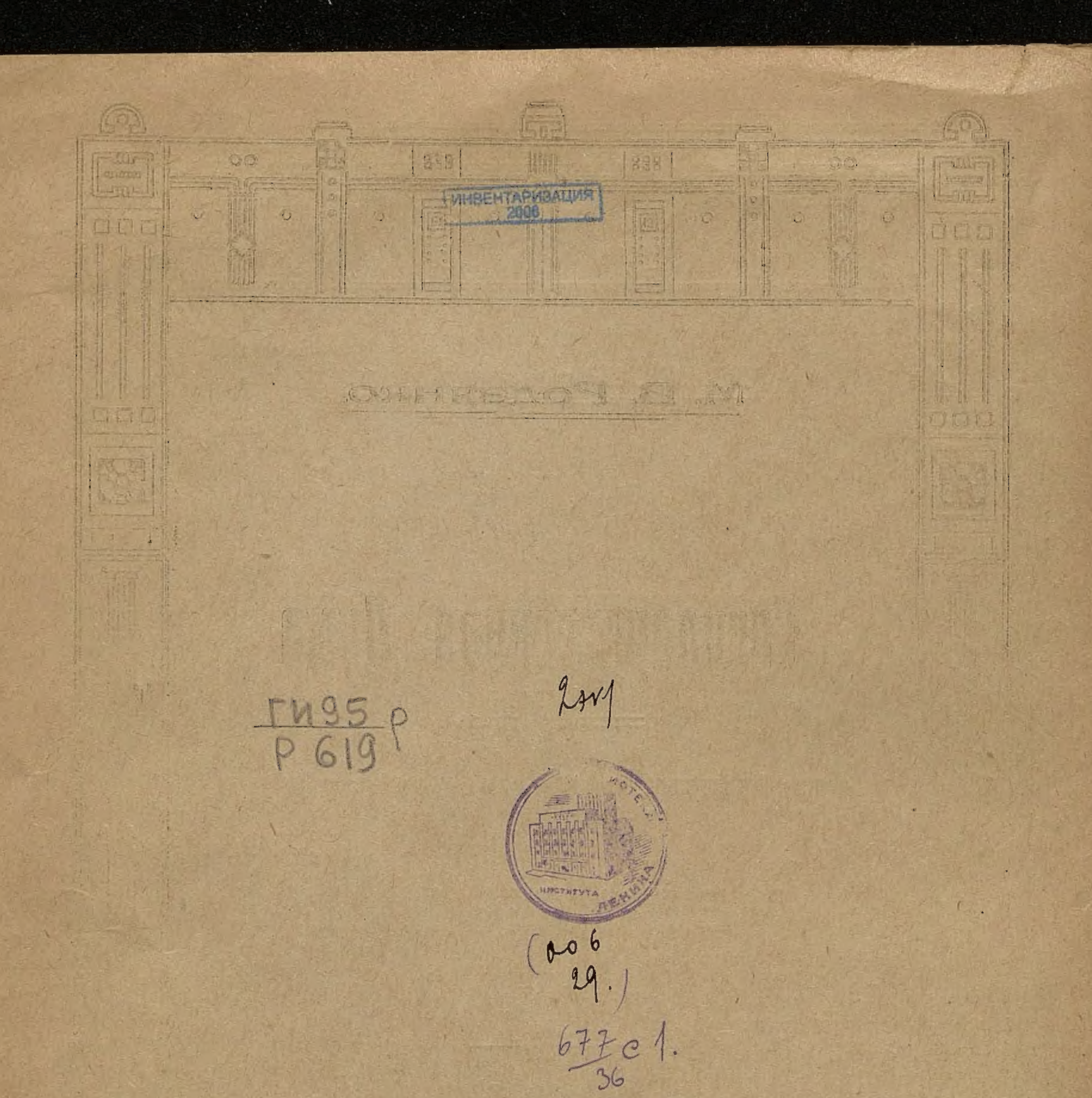
Государственная Дума

и

Февральская 1917 года

Революція.

Ростовъ на Дону
1919.

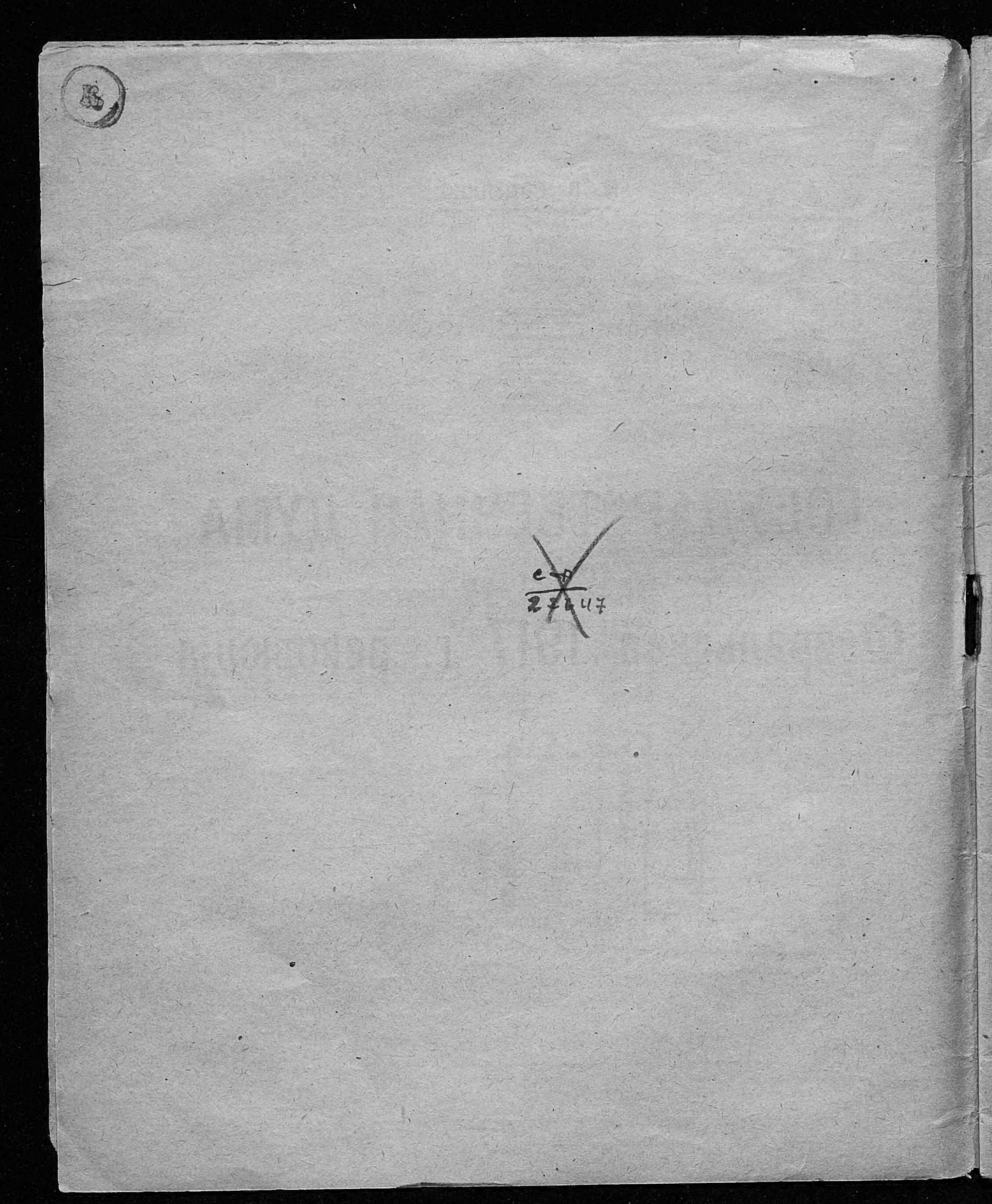
М. В. РОДЗЯНКО.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

и

Февральская 1917 г. революція.

Ростовъ на Дону.
1919.

Отечество должно быть для тебя дороже матери и отца, и какія-бы жестокости, какія-бы несправедливости оно ни совершало по отношенію къ намъ, мы должны выдержать ихъ и не отыскивать способовъ уклониться отъ него... **СОКРАТЪ.**

Темой настоящаго сообщенія я избралъ возобновленіе въ памяти общества хода тѣхъ событій, которыя привели къ февральскому 1917 года государственному перевороту, а цѣлью своею поставилъ себѣ правильное освѣщеніе той роли, которую играла Государственная Дума IV-го созыва въ переворотѣ 26—27 февраля 1917 года.

Необходимо эту роль освѣтить на основаніи точныхъ данныхъ.

Въ широкихъ слояхъ населенія, или, какъ принято выражаться, въ широкихъ народныхъ массахъ, благодаря крайней ограниченности газетныхъ сообщеній той эпохи и отсутствію широкой информаціи во время самого переворота, укоренилась неправильная точка зрѣнія на роль Государственной Думы во всѣхъ тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, являемся не только свидѣтелями, но отъ которыхъ страдаютъ все и вся.

Принято на вѣру далеко, однако, не безспорное положеніе, что Государственная Дума IV-го созыва подготовила, создала, воодушевила и воплотила въ реальныя формы переворотъ 27 февраля, а также и самую революцію. Всю вину за прошлыя и настоящія ужасающія событія принято валить на Государственную Думу и, въ частности, на ея Предсѣдателя. Я не ставлю себѣ, однако, задачей быть защитникомъ или адвокатомъ Государственной Думы, а намѣренъ лишь возобновить въ вашей памяти и подкрѣпить документальными данными, по возможности, безпристрастную картину тѣхъ историческихъ событій, которыя послужили исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія революціи и, давъ матеріалъ, основанный на документахъ, имѣющихся у меня, къ сожалѣнію, въ ограниченномъ количествѣ, предоставить возможность читателямъ имѣть критерій для самостоятельной оцѣнки минувшихъ событій и для своихъ собственныхъ выводовъ.

Я постараюсь въ своемъ сообщеніи быть чуждымъ рѣзкой критики, ибо мое глубокое внутреннее убѣжденіе заключается въ томъ, что время такой критики еще не наступило. Я считаю, что оцѣнка нами самими переживаемаго

момента не можетъ быть безпристрастной, а потому и критика не можетъ быть правильной. Уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматриваются текущія историческія событія, какъ послѣдствія недавняго прошлаго, диктуются самими условіями жизни. Этотъ уголъ зрѣнія есть безграничное негодованіе всему совершающемуся, а потому позволительно усомниться въ томъ, будетъ ли справедливымъ такой судъ, основанный на одностороннихъ и всегда субъективныхъ впечатлѣніяхъ. Исторія оцѣнитъ эти событія безпристрастно и отведетъ каждому мѣсто по его дѣламъ и заслугамъ.

Второй причиной, побудившей меня сдѣлать настоящее сообщеніе, является существующій нынѣ развалъ политической мысли и отсутствіе организованнаго общественнаго мнѣнія. Люди, бывшіе избранниками народа и выразителями его нуждъ и стремленій, обязаны всѣми возможными способами подготовить и выковать такое мнѣніе и приготовить этимъ Россію къ предстоящему, надѣюсь, въ близкомъ будущемъ, разумному Учредительному Собранію.

Наконецъ, третья причина побудившая меня издать настоящее мое сообщеніе—это сознаніе необходимости, наканунѣ полнаго возрожденія нашей изстрадавшейся Родины, оглянуться назадъ на все содѣянное нами и въ ошибкахъ прошлаго, вольныхъ и невольныхъ, почерпнуть правильные взгляды на предстоящее намъ дѣло строительства на новыхъ началахъ Русской земли. Поэтому настоящій мой трудъ надлежитъ разсматривать какъ историческую справку, которую я признаю себя обязаннымъ дать, въ видѣ доклада, Русскому обществу, и не ожидать отъ него политическаго или агитаціоннаго значенія.

Общественныя настроенія до войны.

Государственная Дума.

Считаю совершенно необходимымъ остановиться сначала, хотя бы и въ краткихъ чертахъ, на дѣятельности Государственныхъ Думъ до войны. Безъ такого разъясненія не можетъ быть правильнаго сужденія о роли Государственной Думы IV-го созыва въ дальнѣйшей жизни страны и, главнымъ образомъ, въ переворотѣ 27 февраля, ибо рядъ послѣдовательныхъ событій слишкомъ тѣсно связанъ между собой въ затронутомъ вопросѣ, составляя рядъ звеньевъ одной и той же цѣпи событій.

Оппозиціонное настроеніе мыслящаго Русскаго Общества къ формѣ Государственнаго устройства въ Россіи и къ порядку осуществленія законодательства и къ дѣйствіямъ Государственной власти началось задолго до дарованія Русскому народу манифеста 17 октября.

Настроеніе это выражалось въ рядѣ революцій разнообразныхъ общественныхъ организацій и глухомъ броженіи рабочаго и земледѣльческаго крестьянскаго классовъ, въ поискахъ за лучшимъ устройствомъ своей жизни и ея условій.

Припомните, читатели, 80-й годъ прошлаго столѣтія и стремленіе учащейся молодежи идти въ народъ. Припомните, лозунги партій „Земля и воля“ и цѣлый рядъ аграрныхъ и фабрично-рабочихъ движеній. Государственная власть полагала тогда, что усиленіемъ репрессивныхъ мѣръ возможно погасить начавшееся пробужденіе общественной политической мысли, основой которой было, конечно, желаніе добиться народнаго участія въ рѣшеніи судебъ отечества въ лицѣ народнаго представительства. И тогда уже политика Правительства, вмѣсто того, чтобы разумными предупреждающими развитіе общественнаго ропота реформами смягчить взаимное раздраженіе, направлялась въ сторону извѣстнаго принципа предупрежденія и пресѣченія.

Въ началѣ 90-хъ годовъ это освободительное движеніе передалось въ земства, и цѣлый рядъ земскихъ слетовъ и съѣздовъ развивалъ мысли о необходимости расширенія участія представителей народа въ законодательствѣ страны и дарованія населенію права контроля надъ аппаратомъ Государственной власти, въ тѣсномъ взаимодѣйствіи правительства и общества. Но Правительство оставалось и тогда глухо къ возникающему броженію общественно-политической мысли и даже проявляло къ ней явную враждебность. Такъ, напримѣръ, такой крупный государственный дѣятель, какъ С. Ю Витте, въ извѣстной запискѣ своей „Самодержавіе и Земство“ прямо доказывалъ, что эти два принципа не совмѣстимы. На этомъ лозунгѣ всегдашняго противодѣйствія развитію общественной самодѣятельности Правительство, принципіально и преемственно, стояло твердо, не уступая ничего, и привело этимъ себя впослѣдствіи къ полному крушенію.

Вспыхнувшая Японская война застала Русское общество именно въ этомъ состояніи броженія политической мысли, а время учрежденія Государственной Думы, послѣ неудачной Японской войны и революціи 1905 года,—знаменательно само по себѣ.

Задачи Государственной Думы послѣ Японской войны.

Несомнѣнно, что неудача Японской войны вызвала всеобщее негодованіе и раздраженіе, внѣдрила въ широкіе общественные круги убѣжденіе, что такъ существовать больше нельзя, что рисковать жизнью гражданъ и народнымъ достояніемъ безъ достаточныхъ для того основаній и безъ контроля общества надъ дѣйствіями Правительственной власти дальше невозможно. Японская война стала уже болѣе или менѣе достояніемъ исторіи и какъ ни больно для національнаго самолюбія Россіи,—необходимо признать горькую истину, что въ этой войнѣ побѣдила насъ маленькая Японія. На этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ революціонныхъ эксцессовъ, имѣющихъ въ своей основѣ чувство оскорбленнаго патріотизма. Мало-по-малу, однако, вспыхнувшее революціонное теченіе пошло на убыль, оно было локализировано въ стѣнахъ созданнаго народнаго представительства, и революція умиротворилась. Судьбами Государства призваны были отнынѣ, по духу дарованной конституціи, распоряжаться народные избранники въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Какія же задачи стали передъ нами?

Я не коснусь кратковременной дѣятельности І-й и ІІ-й Государственныхъ Думъ, скажу только, что задачи, поставленныя себѣ Государственной Думой 3-го созыва, были слѣдующія: укрѣпленіе расшатанной неудачной войной военной мощи Россіи, возможное исправленіе поколебавшагося финансоваго положенія Государства и экономическихъ производительныхъ силъ страны и засимъ возстановленіе внутренняго порядка и закономѣрности во всемъ.

Стремленіе къ достиженію поставленныхъ себѣ цѣлей проходитъ красной нитью черезъ всѣ постановленія Государственной Думы. Государственныя Думы 1-го и 2-го созывовъ, въ силу кратковременности своего существованія, не могли оставить значительный слѣдъ въ этой области: ихъ работы не успѣли даже дойти до разсмотрѣнія бюджета. Но Государственныя Думы 3-го и 4-го созывовъ сдѣлали все, что могли сдѣлать въ этомъ направленіи.

Военный бюджетъ ко времени войны съ Германіей съ 350 милліоновъ, каковымъ его застала Японская война, возросъ до 750 милліоновъ. И лучшей характеристикой въ данномъ случаѣ можетъ служить личный отзывъ Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго Николая Николаевича въ словахъ, сказанныхъ имъ мнѣ: „Я не политикъ, говорилъ онъ, и не знаю, что дѣлаетъ Государственная Дума въ политическихъ вопросахъ, но что касается военнаго законодательства, то Государственная Дума всегда была выше всякихъ похвалъ“. Сказано это было за годъ до войны на одномъ изъ военныхъ торжествъ.

За все время существованія Государственной Думы не было ни одного случая отказа въ открытіи кредита на военныя надобности: давалось всегда все безъ отказа, часто давалось даже больше, чѣмъ требовали. Противъ военнаго кредита вотировали лишь завзятые оппозиціонеры, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Военные вопросы разсматривались въ Государственной Думѣ не на почвѣ политическихъ программъ и не съ точки зрѣнія политическихъ партій, а исключительно съ точки зрѣнія интересовъ и нуждъ Государства.

Финансовая сторона дѣятельности Государственной Думы 3-го и 4-го созывовъ также достигла въ значительной степени поставленныхъ ею себѣ цѣлей; въ первый же годъ послѣ Японской войны Государственную роспись удалось

забалансировать съ незначительнымъ дефицитомъ. Въ бюджетахъ остальныхъ годовъ доходы превышали расходы, при условіи, что податное бремя, несмотря на значительное увеличеніе размѣра государственныхъ расходовъ, не было увеличено или увеличено лишь въ незначительной степени. Достигнуто это было цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ дѣйствительнаго поступленія доходовъ, возможнымъ сокращеніемъ расходовъ и прекращеніемъ произвола и безконтрольнаго расходованія государственныхъ средствъ.

Этими мѣрами было достигнуто то, что свободная наличность Государственнаго Казначейства къ началу войны равнялась 475 милліонамъ рублей. За удовлетвореніемъ всѣхъ бюджетныхъ и смѣтныхъ расходныхъ назначеній и золотой запасъ Государственнаго Банка въ это время равнялся одному милліарду восьмистамъ милліонамъ рублей—Государственный бюджетъ къ моменту объявленія намъ Германіей войны возросъ до 3-хъ милліардовъ рублей. Все это, конечно, указываетъ насколько Государственная Дума была чужда какихъ бы то ни было революціонныхъ стремленій, а всѣ свои заботы направляла ко внутреннему благоустроенію Государства. Внѣ всякаго сомнѣнія, что благоустройство военныхъ силъ страны и устойчивости ея финансовъ, охраняя, съ одной стороны, ея безопасность, обезпечиваетъ въ то же время благосостояніе каждаго отдѣльнаго гражданина, гарантируя ему свободу труда, охраняя его производительность, и въ этомъ отношеніи въ дѣятельности Государственной Думы 3-го и 4-го созывовъ до войны не было отказа разумнымъ начинаніямъ Правительства, не было мѣста оппозиціи во что бы то ни стало, а слѣдовательно, не было и мѣста подготовкѣ революціи.

Но въ дѣлѣ возстановленія внутренняго порядка и закономѣрности дѣло обстояло значительно хуже, и въ отношеніяхъ Государственной Думы и Вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ далеко не все обстояло благополучно. Продолжая стоять на принципѣ предупрежденія и пресѣченія, усматривая вездѣ революціонныя начала, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не могло помириться съ наличіемъ народнаго представительства, его правомъ контроля исполнительной власти и правомъ запросовъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ и революціонные эксцессы.

Всѣмъ хорошо памятны всякаго рода репрессіи, усиленныя охраны, незакономѣрныя дѣйствія власти, давленія на печать и тормазъ полиціи разнымъ общественнымъ начинаніямъ на мѣстахъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ тяжело въ этомъ отношеніи жилось при старомъ режимѣ, какъ была скована творческая народная мысль совершенно ненужными подозрѣніями, постоянно ослаблявшая вѣру въ возможность совмѣстной работы съ Правительствомъ, и поэтому распространяться въ этомъ направленіи я не буду. Государственная Дума, избранная народомъ и облеченная его довѣріемъ, оставаться равнодушной къ такому положенію вещей, конечно, не могла. Велась упорная борьба съ Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но борьба не на почвѣ сверженія или разрушенія общественнаго строя, не на почвѣ колебанія государственныхъ основъ, а на необходимости реформъ, нужныхъ для упорядоченія народной жизни, успокоенія умовъ и внѣдренія во всемъ законности. Велась эта борьба не на почвѣ усиленія революціоннаго настроенія въ

странѣ, а напротивъ, въ сознаніи ослабить дѣйствіе революціонной агитаціи путемъ дарованія всѣмъ гражданамъ равенства передъ закономъ и обезпеченія ихъ спокойной жизни дома подъ охраной этихъ законовъ, равныхъ для всѣхъ.

Революціонныхъ постановленій 3-й и 4-й Государственныхъ Думъ нельзя найти ни въ одномъ журналѣ, ни въ одномъ стенографическомъ отчетѣ.

Таково было настроеніе Государственныхъ Думъ 3-го и 4-го созывовъ.

Является, однако, вопросъ: вполнѣ ли соотвѣтствовало настроеніе Государственной Думы въ этотъ періодъ времени настроенію страны?

Народное представительство было, несомнѣнно, настроено патріотично и національно, любило свою родную армію, тогда какъ интеллигентное общество было настроено, къ сожалѣнію, антимилитарно, нѣсколько интернаціонально, а поэтому и мало патріотично. Слишкомъ глубоко внѣдрилась въ него привычка критики дѣйствій власти и глубокая неудовлетворенность отечественными порядками или вѣрнѣе непорядками Государственной жизни.

Народное представительство—Государственная Дума,—основой своей работы положила убѣжденіе въ необходимости вести страну путемъ эволюціи, но не революціи, къ развитію либеральныхъ реформъ.

Государственная Дума хорошо понимала, что путь революціонный приведетъ къ такимъ потрясеніямъ государственнаго организма, которыя грозили бы цѣлости Государства, но внѣ Государственной Думы, несомнѣнно, уже тогда шла революціонная работа, весьма интенсивная, какъ это мы и увидимъ ниже.

Громадное большинство членовъ Государственной Думы было вполнѣ солидарно съ мыслью, высказанной во 2-ой Думѣ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ въ его обращеніи, въ одной изъ рѣчей къ лѣвому крылу Думы: „Вамъ нужны великія потрясенія, а намъ нужна **Великая и Сильная Россія**". Однако, съ кончиной Столыпина, въ правительственныхъ кругахъ стало одолѣвать крайне правое теченіе, стремившееся сократить и принизить значеніе народнаго представительства. По крайней мѣрѣ въ докладѣ своемъ Императору Николаю II, даже еще въ 1915 году, во время войны, тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ совершенно открыто указывалъ на необходимость такой мѣры, и при этомъ докладѣ я лично видѣлъ собственноручное письмо къ Министру Императора Николая II, въ которомъ онъ писалъ, что эти соображенія Маклакова имъ—Императоромъ—одобряются и раздѣляются. Даже вполнѣ законослушная и трезво относящаяся къ дѣлу Государственнаго строительства 3-я Государственная Дума была взята подъ подозрѣніе, и правящіе круги всячески старались въ чемъ только возможно умалять ея значеніе и достоинство. Такъ, напримѣръ, въ дни празднованія Отечественной войны, 1812 года, въ Москвѣ Государственная Дума, какъ таковая, не была приглашена къ участію въ торжествахъ памяти народной войны, а былъ приглашенъ только Предсѣдатель ея именнымъ приглашеніемъ, тогда какъ Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ, какъ учрежденіе, въ полномъ своемъ составѣ.

При прощальной аудіенціи передъ роспускомъ 3-й Государственной Думы, Императоръ Николай II-й не былъ благосклоненъ къ Государственной Думѣ въ прощальномъ своемъ словѣ, обращенномъ къ ней, и Дума разъѣхалась, огорченная и оскорбленная, не чувствуя за собой никакой вины и ожидавшая иного къ себѣ отношенія Верховной власти.

Наступившая вслѣдъ за этимъ избирательная кампанія ясно обнаружила рѣшимость Правительства добиться состава Государственной Думы исключи-

тельно изъ правыхъ партій, для чего были пущены въ ходъ всѣ возможныя средства, примѣняемыя съ большою изобрѣтательностью правительствомъ В. Н. Коковцева, и на все прогрессивно мыслящее было воздвигнуто форменное гоненіе. Въ этихъ цѣляхъ сдѣлано было черезъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера основательное давленіе на духовенство. Правительст. Сенатъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилія, одно разъясненіе за другимъ, въ цѣляхъ сокращенія круга избирателей. Но несмотря на это большинства въ Думѣ, Правительство все жъ не добилось, что стало сразу яснымъ при избраніи Предсѣдателя Государственной Думы изъ партіи октябристовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Настроеніе всѣхъ партій отъ октябристовъ и лѣвѣе ихъ было чрезвычайно повышенное, можно даже сказать озлобленное къ Правительству, но и внутренній разладъ въ самой Думѣ получился такой, что болѣе мѣсяца Государственная Дума не въ состояніи была избрать Товарищей своего Предсѣдателя, не имѣя возможности сговориться на кандидатахъ. Если къ этому прибавить, что слухи о предстоящемъ переворотѣ, въ смыслѣ превращенія Думы изъ законодательной въ законосовѣщательную, слухи о возможности роспуска ея, въ виду невозможности достигнуть соглашенія между партіями даже въ выборѣ президіума, стали распространяться все шире и шире, то прямая опасность авторитету народнаго представительства вставала для насъ во весь ростъ, какъ реальная дѣйствительность.

Партія Народной Свободы, подвергшаяся наибольшимъ предвыборнымъ гоненіямъ, явно клонилась къ союзу съ крайними лѣвыми элементами, и опасность появленія чисто-революціонныхъ настроеній въ нѣдрахъ самой Государственной Думы зрѣла не по днямъ, а по часамъ. Это обстоятельство въ свою очередь грозило самому существованію Государственной Думы, что повело бы къ неизбѣжнымъ революціоннымъ волненіямъ въ странѣ. При такихъ условіяхъ партія октябристовъ, какъ центральная, увидѣла необходимость путемъ переговоровъ и взаимныхъ уступокъ достигнуть соглашенія прочнаго достаточно многочисленнаго большинства, способнаго отстоять народное представительство отъ всякихъ на него покушеній какъ со стороны правительства, такъ и со стороны своихъ собственныхъ крыльевъ, праваго и лѣваго. Были начаты переговоры въ соединенныхъ засѣданіяхъ руководителей разныхъ фракцій Думы съ цѣлью привлечь вліятельную въ странѣ кадетскую партію къ соглашенію и предотвратить ея союзъ съ социалистическими группами. Имѣлось въ виду также оторвать возможно большее число членовъ Думы отъ крайняго праваго, воинствующаго крыла. Переговоры, однако, затянулись. Главнымъ тормазомъ было упорное требованіе к.-д. партіи о включеніи въ программу соглашенія еврейскаго вопроса цѣликомъ. Центральныя партіи находили, что при создавшемся соотношеніи силъ, вопросъ этотъ надлежало бы оставить открытымъ, но к.-д. партія упорно стояла на своемъ. Все же въ концѣ концовъ, послѣ упорныхъ требованій, соглашеніе на основѣ уступокъ состоялось, было подписано представителями партій и собрало значительное и устойчивое большинство Государственной Думы, получившее названіе **прогрессивнаго блока Думскихъ партій**. Возникновеніе этого блока было встрѣчено крайне враждебно какъ Правительствомъ, такъ равно и крайнимъ лѣвымъ и крайнимъ правымъ крыломъ Государственной Думы. И надо признаться, что прогрессивный блокъ долженъ былъ быть одинаково нетерпимымъ для всѣхъ этихъ элементовъ. Разрушивъ уже возникавшее соглашеніе партіи Народной

Свободы съ соціалистическими революціонными кругами и, отмежевавшись отъ не менѣе опасныхъ для молодого еще Русскаго народнаго представительства крайнихъ правыхъ круговъ, прогрессивный блокъ вводилъ работу законодательнаго учрежденія въ нормальный эволюціонный темпъ, имѣя достаточную силу парализовать всякія революціонныя попытки какъ справа, такъ и слѣва. Не могло это соглашеніе радовать и Правительство, такъ какъ оно вынуждало его считаться съ прочно спаяннымъ прогрессивнымъ большинствомъ Государственной Думы, чѣмъ разрушалась вся упорная предвыборная работа Правительства, стремившагося къ созданію послушнаго ему большинства въ Государственной Думѣ.

На прогрессивный блокъ немедленно же посыпались всякія нареканія изъ нѣдръ перечисленныхъ элементовъ, оставшихся внѣ соглашенія. Его обвиняли во всякихъ небывалыхъ замыслахъ взаимно противорѣчащихъ другъ другу, въ зависимости отъ того лагеря, изъ котораго такія инсинуаціи исходили.

Ненависть къ создавшемуся прочному ядру была такъ велика, что объединила два противоположныхъ полюса въ Государственной Думѣ и можно привесть не одинъ примѣръ, когда крайнія правыя монархическія и крайнія лѣвыя соціалистическія партіи оказывались въ трогательномъ единеніи и голосовали, стремясь затармозить работу прогрессивнаго блока, что, къ сожалѣнію, иногда и удавалось.

А между тѣмъ значеніе прогрессивнаго блока было чрезвычайно. Соглашеніе это, создавъ прочное прогрессивное большинство, возвращало Госуд. Думѣ ея поколебленный было авторитетъ, дѣлало возможнымъ планомѣрную работу законодательнаго учрежденія и исключало возможность случайныхъ голосованій въ существенныхъ вопросахъ законодательства.

Программа блока была впервые открыто заявлена съ Думской кафедры въ отвѣтъ на декларацію Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, смѣнившаго на этомъ посту В. Н. Коковцева.

Особенно выпуклое значеніе наличія прогрессивнаго блока Думскихъ фракцій оказалось при объявленіи войны.

Блокъ отказался отъ лица входящихъ въ его составъ партій на время войны отъ проведенія какихъ бы то ни было своихъ программъ, и всю свою работу рѣшилъ направить въ помощь Правительству въ исключительно трудныя времена войны. Впослѣдствіи прогрессивный блокъ всѣми возможными мѣрами боролся противъ пораженческаго движенія, несомнѣнно насажденнаго въ Россіи германскимъ шпіонажемъ и агентурой.

Изъ изложенныхъ мною обстоятельствъ его возникновенія ясно видно, что прогрессивный блокъ въ Госуд. Думѣ явился послѣдствіемъ необходимости самообороны и борьбы съ нарождающимся революціоннымъ движеніемъ въ странѣ. Только полною неосвѣдомленностью общества объ этихъ причинахъ и можно объяснить себѣ всѣ кривотолки и несправедливыя нападки, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Въ весеннюю сессію 1914 года въ Госуд. Думѣ прошелъ законопроэктъ о большой военной программѣ, которая, выполненная въ два года, т. е. къ 1917 г., дѣлала нашу армію и численно и по снаряженію значительно сильнѣе германской.

Съ момента утвержденія этого закона Верховной властью, для насъ, членовъ Государственной Думы, стало ясной неизбѣжность въ самомъ ближай-

шемъ будущемъ вооруженнаго столкновенія съ Германіей, которая не могла ждать нашего военнаго усиленія.

Съ этого же момента революціонная агитація, несомнѣнно германскаго происхожденія, среди рабочихъ разныхъ заводовъ усилилась до чрезвычайныхъ размѣровъ, въ особенности въ половинѣ 1913 и въ началѣ 1914 года.

Петроградъ въ 1914 году, передъ самой войной, былъ объятъ революціонными эксцессами. Эти революціонные эксцессы, возникшіе среди рабочаго населенія Петрограда, часто влекли вмѣшательство вооруженной силы; происходили демонстраціи, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады.

Все это происходило во время посѣщенія Россіи представителемъ дружественной намъ державы—Президентомъ Французской Республики Пуанкарэ.

Волненія въ столицѣ были настолько сильны, что Президентъ вынужденъ былъ ѣздить по городу въ сопровожденіи значительнаго военнаго конвоя. То же самое, хотя, разумѣется, въ меньшемъ масштабѣ, происходило и на мѣстахъ. Велась энергичная агитація среди крестьянъ на почвѣ земельныхъ отношеній и нельзя не отмѣтить силу и вліяніе этой агитаціи. Землевладѣльцы должны хорошо помнить тѣ условія, въ которыя были поставлены они, въ виду частыхъ волненій сельскихъ рабочихъ и ихъ постоянныхъ забастовокъ въ горячую пору. Справедливое стремленіе къ увеличенію площади своей пахатной земли получило совершенно неправильное направленіе, подъ вліяніемъ той же агитаціи, и назвать состояніе умовъ Русской деревни въ то время спокойнымъ—было бы большой ошибкой и, конечно, германская агитація велась на этой почвѣ весьма широко. Однако, за нѣсколько дней до объявленія войны, когда международное политическое положеніе стало угрожающимъ, когда маленькой братской намъ Сербіи,—могущественной сосѣдкой Австріей былъ предъявленъ извѣстный всѣмъ и непріемлемый для нея ультиматумъ, какъ волшебствомъ сметено было революціонное волненіе въ столицѣ. Я былъ въ это время заграницей, въ Германіи, но, къ счастью, мнѣ удалось избѣжать нѣмецкаго плѣненія.

Вся германская пресса, очевидно, въ цѣляхъ подготовленія общественнаго мнѣнія Германіи къ войнѣ, на всѣ лады трубила о полномъ разложеніи Россіи. Всѣ газеты утверждали, что революція у насъ вспыхнетъ не сегодня—такъ завтра, на всѣ лады обрисовывалось возрастающее вліяніе Wundermönch'а (Чудомонаха) Распутина, ненавистнаго странѣ, но пріобрѣтшаго исключительное вліяніе на Русскую Императорскую Чету и т. д., и т. д.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и волненія среди фабрично-рабочаго класса были результатомъ дѣятельности Германскаго Генеральнаго Штаба. Такъ, напримѣръ, произошли загадочныя отравленія работницъ на табачныхъ фабрикахъ въ Петроградѣ, которыя не были раскрыты и такъ и остались загадками. Забастовки возникали и организовались безъ всякихъ видимыхъ причинъ и только теперь стало ясно, гдѣ лежалъ корень всѣхъ этихъ событій. Надо было окончательно разложить и развратить русскую промышленность передъ войной, и внести непоправимую смуту въ русское общество. Сѣмена большевизма на почвѣ разжиганія классовой ненависти сѣялись, очевидно, щедрою рукою и эта пропаганда, которую не поняли и съ которой никто не боролся, конечно, сыграла видную роль въ подготовкѣ къ Русской революціи.

Объявленіе войны и общественныя настроенія.

Вернувшись въ Петроградъ передъ самымъ объявленіемъ войны, я былъ пораженъ перемѣной настроенія жителей столицы. „Кто эти люди?“—спрашивалъ я себя съ недоумѣніемъ,—„которые толпами ходятъ по улицѣ съ національными флагами, распѣвая народный гимнъ и дѣлая патріотическія демонстраціи передъ домомъ Сербскаго посольства“.

Я ходилъ по улицамъ, вмѣшивался въ толпу, разговаривалъ съ нею и, къ удивленію, узнавалъ, что это рабочіе, тѣ самые рабочіе, которые нѣсколько дней тому назадъ ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопросъ мой: чѣмъ объясняется перемѣна настроенія? я получилъ отвѣтъ: „Вчера было семейное дѣло: мы горячо ратовали о своихъ правахъ, для насъ реформы, проэктируемыя въ законодательныхъ учрежденіяхъ, проходили слишкомъ медленно, и мы рѣшили сами добиться своего, но теперь—сегодня—дѣло касается всей Россіи. Мы пойдемъ къ Царю, какъ къ нашему знамени, и мы пойдемъ за нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами“.

Аграрныя и всякія волненія въ деревнѣ сразу стихли въ эти тревожные дни, и какъ великъ былъ подъемъ національнаго чувства—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры: къ мобилизаціи явилось 96% всѣхъ призываемыхъ, явились безъ отказа и воевали впослѣдствіи на славу.

Настроеніе было далеко не революціонное, а чисто патріотическое и воодушевленное. А между тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ войны это настроеніе такъ измѣнилось, что обезпечило громадный успѣхъ вспыхнувшей революціи.

Какимъ же образомъ произошла эта перемѣна, и что было причиной коренного измѣненія настроенія массъ, и гдѣ надо искать корень зла?

Готовность жертвовать всѣми средствами и силами на благо Родины, ввиду начавшейся войны, превышала даже потребность въ этихъ жертвахъ, но общій лозунгъ безусловно объединялъ всѣхъ: „Мы должны побѣдить“.

Всѣми, хотя и смутно, понималось, что возникшая война является войной рѣшающей въ давнемъ спорѣ между германцами и славянами, но настоящая цѣль войны и перспективы будущаго въ случаѣ побѣды, а также сущность происходящихъ событій, къ сожалѣнію, народнымъ массамъ были неясны, какъ неясно было и то, что произойдетъ въ случаѣ пораженія Россіи и какія гибельныя послѣдствія ожидаютъ нашу Родину въ этомъ случаѣ.

Война и Правительство.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ самомъ началѣ войны, Правительство стало на совершенно ложную точку зрѣнія. Въ цѣляхъ укрѣпленія монархическаго начала и престижа Царской власти, Правительство полагало, что войну должно и можетъ выиграть одно оно—Царское Правительство, безъ немедленной организаціи народныхъ силъ въ цѣляхъ объединенія всѣхъ въ великомъ дѣлѣ войны.

Правительство считало, что можно выиграть эту кампанію путемъ приказа и повелѣнія и тѣмъ самымъ доказать, что Царское Правительство стоитъ на надлежащей высотѣ пониманія народной воли. Таково было, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе изъ бесѣдъ съ лицами, занимавшими крупныя правительственныя мѣста, стоявшими тогда во главѣ управленія страной. Я смѣло утверждаю, что въ теченіе трехлѣтія войны это убѣжденіе Правительства не измѣнилось ни на іоту.

Путемъ пропаганды не внѣдрялись въ массы народа здоровыя понятія о томъ, что несетъ за собою настоящая война, какія послѣдствія могутъ быть отъ пораженія Россіи, и насколько необходимо дружное содѣйствіе всѣхъ гражданъ, не жалѣя ни силъ, ни средствъ, ни жизней, ни крови для достиженія побѣды. Ошибочная точка зрѣнія неправильно понятыхъ своихъ Государственныхъ задачъ, постоянное опасеніе, какъ бы путемъ организаціи народа не создать почву для революціонныхъ очаговъ, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего Правительства—не было въ Правительствѣ необходимаго довѣрія къ народу. Въ этой позиціи, занятой Правительствомъ, кроются всѣ причины, съ моей точки зрѣнія, дальнѣйшихъ ошибокъ, допущенныхъ въ веденіи войны и приведшихъ насъ къ катастрофѣ. Правительство на первыхъ же порахъ не отдало себѣ яснаго отчета въ томъ объемѣ, который можетъ принять міровая война.

Правительство не хотѣло понять, что во всѣхъ главныхъ отросляхъ и вопросахъ народнаго хозяйства, безъ коренной перемѣны направленія внутренней политики въ смыслѣ довѣрія къ здравому смыслу русскихъ гражданъ, оно не въ состояніи будетъ одолѣть тѣхъ не бывалыхъ еще запросовъ и той грандіозной работы, которая требуетъ отъ него созданія колоссальнѣйшей арміи необходимой, однако, для спасенія государства.

Вліяніе Распутина.

Къ этому надо прибавить, что вліяніе Распутина, этого оракула Императорской четы, стало все болѣе и болѣе возрастать за это время и, съ нимъ, или, вѣрнѣе, съ его кружкомъ, считались всѣ министры, и, какъ мы увидимъ ниже, Распутинъ и его кружокъ впослѣдствіи пріобрѣли такое значеніе, что только по его совѣту и указанію назначались министры и должностныя лица. Вліяніе его можно объяснить чрезмѣрно мистическимъ настроеніемъ Императрицы, имѣвшей неограниченное вліяніе на своего супруга. Неизвѣстность исхода войны, опасность для династіи въ случаѣ пораженія заставляли царицу прибѣгать къ воображаемому дару пророчества Распутина, чтобы попытаться поднять завѣсу надъ загадочнымъ будущимъ. Лично Распутинъ, въ вопросахъ войны, держался чрезвычайно двусмысленно. Его рѣчи по поводу войны, которыя передавались изъ устъ въ уста, носили неопредѣленный, неясный характеръ, но скорѣе съ оттѣнкомъ пораженчества и, несомнѣнно, ясно выраженной симпатіей къ Германіи.

Война и Государственная Дума.

Но для насъ, Членовъ Государственной Думы, вопросъ былъ ясенъ. Намъ, близко и подробно ознакомленнымъ со всѣмъ ходомъ дипломатическихъ пере-

говоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, со всѣми обстоятельствами, приведшими къ ней, было совершенно ясно, что дѣло идетъ о продолжительной и упорной борьбѣ, что вопросъ идетъ о принципіальной борьбѣ германцевъ со славянами, что скоро и быстро война эта кончиться не можетъ, такъ какъ Германія, несомнѣнно, еще издавна лелѣяла безумную надежду стать владычицей міра въ полномъ объемѣ и смыслѣ этого слова.

Неправильная позиція, занятая Правительствомъ, внушала уже тогда опасеніе, что оно не справится съ поставленной ему гигантской задачей, а руководствуясь лишь слѣпой цѣлью поддержанія престижа своей власти во что бы то ни стало и видя вездѣ несуществующую еще и въ зародышѣ революцію, оно, несомнѣнно, надѣлаетъ массу ошибокъ.

Къ борьбѣ съ возникшей немедленно послѣ объявленія войны нѣмецкой пропагандой Правительствомъ не было ничего ни организовано, ни подготовлено. Старая привычка только повелѣвать и думать, что въ томъ напряженномъ состояніи, въ которомъ находилась страна, можно ограничиться приказомъ и требованіемъ безсознательнаго исполненія, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной постановкой внутренней политики Правительство посѣяло само первыя сѣмена возникшей потомъ революціи. Несмотря на неоднократныя указанія Государственной Думы, Правительство оставалось къ нимъ глухимъ и продолжало проводить въ жизнь указанную точку зрѣнія. А между тѣмъ, факты указывали совершенно иной путь для внутренней политики. Государственная Дума была созвана 20 іюля 1914 года по настоянію ея Предсѣдателя и только послѣ личнаго его доклада о семъ Императору Николаю II. Въ этомъ историческомъ засѣданіи не было партій. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что на партійной почвѣ раньше этого бывали споры, доходящіе до эксцессовъ, до скандаловъ, и Предсѣдателю Государственной Думы нужно было пускать въ ходъ всю полноту своей власти, чтобы добиться хоть внѣшняго спокойствія и внѣшняго порядка.

Но въ засѣданіи 20 іюля всѣ партійныя перегородки пали, всѣ безъ исключенія. Члены Думы признали необходимость войны до побѣднаго конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества, и дружно объединились между собой въ этомъ сознаніи и рѣшили всемѣрно поддерживать Правительство.

Безъ различія національностей всѣ поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что пораженіе невыносимаго германскаго милитаризма является безусловно необходимымъ. Только одинъ депутатъ (Чхеидзе) позволилъ себѣ выступить апологетомъ пораженчества, хотя и въ туманныхъ и неясныхъ намекахъ. Онъ встрѣтилъ, однако, суровый отпоръ своей непатріотической рѣчи въ Государственной Думѣ, и послѣдствія доказали въ дальнѣйшемъ близость Чхеидзе къ германскимъ кругамъ. Достаточно прочесть стенографическій отчетъ этого засѣданія, чтобы убѣдиться, насколько великъ былъ національный подъемъ и насколько всѣ народности, входящія въ составъ Россійскаго Государства, представляли въ этотъ моментъ одну семью, одушевленную одной цѣлью и однимъ стремленіемъ.

Правительство и Государственная Дума.

Правительство осталось, однако, глухо къ этому внушительному уроку. Свою точку зрѣнія—подозрѣніе въ революціонности страны—ни на чемъ не основанную, оно проводило даже въ мелочахъ.

Я не буду утруждать вашего вниманія перечисленіемъ многочисленныхъ фактовъ, доказывающихъ такое мое утвержденіе, но одинъ изъ нихъ настолько характеренъ, что я не могу не подѣлиться съ вами.

Въ началѣ войны, приблизительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914 года, я былъ вызванъ въ Ставку Великимъ Княземъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ, который заявилъ мнѣ буквально слѣдующее: „Я въ безвыходномъ положеніи,—Армія безъ сапогъ, помогите!“ Я отвѣтилъ Великому Князю, что это дѣло, несомнѣнно, можно быстро наладить, что этому можно быстро помочь, но что для этого нужно обратиться къ общественнымъ организаціямъ, которыя близко знаютъ производительныя силы своего района и, несомнѣнно, успѣшно наладятъ это дѣло. Великій Князь назвалъ цифру требуемаго количества сапогъ, цифру сравнительно небольшую: четыре милліона паръ. Легко себѣ представить, что значитъ для двухсотмилліоннаго населенія Россіи доставить Арміи четыре милліона паръ сапогъ—эта цифра казалась мнѣ совершенно ничтожной. Но желая оставаться вполнѣ корректнымъ, я испросилъ у Великаго Князя письменное удостовѣреніе, что указанное количество сапогъ необходимо, и съ этимъ документомъ въ рукахъ явился въ Петроградъ съ заранѣе обдуманнымъ планомъ дѣйствій. Несомнѣнно, что Предсѣдатель Государственной Думы никогда не могъ явиться нарушителемъ тѣхъ установленныхъ закономъ нормъ и формъ, которыя дѣйствовали за силой закона. Поэтому для того, чтобы собрать съѣздъ представителей общественныхъ организацій, надо было обратиться за разрѣшеніемъ его къ тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ—Маклакову. И вотъ какой разговоръ произошелъ между мною и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Когда я ему изложилъ обстоятельства дѣла и предъявилъ письменное заявленіе Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, буквально, отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующее: „Я не могу дать вамъ разрѣшенія на созывъ такого съѣзда; это будетъ нежелательной и всенародной демонстраціей въ томъ направленіи, что въ снабженіи Арміи существуютъ непорядки. Кромѣ того, я не хочу дать этого разрѣшенія, такъ какъ, подъ видомъ поставки сапогъ, вы начнете дѣлать революцію“. И сколько я ни убѣждалъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что Русская Государственная Дума, дѣйствующая съ согласія, вѣдома и положенія Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, не можетъ быть заподозрѣна, въ особенности во время народной войны, въ желаніи сдѣлать революцію, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ упорно стоялъ на своемъ,—и мы разстались въ озлобленіи другъ на друга.

Итакъ, читатели, вы видите изъ одиночнаго, но далеко не мелкаго факта, а ихъ можно привести многое множество, какъ относилось Правительство къ общественнымъ начинаніямъ въ самомъ началѣ войны, какъ оно относилось тамъ, гдѣ дѣло шло о неисчислимыхъ жертвахъ со стороны населенія, къ этому населенію, желающему придти на помощь нашимъ доблестнымъ воинамъ. Поймите, господа, весь трагизмъ создавшагося положенія. Горишь желаніемъ помочь, и безкорыстная помощь ваша отвергается безъ существенныхъ основаній. Въ этомъ духѣ Правительство продолжало свою политику и, мало по-малу, одушевленіе, охватившее всѣ слои Русскаго народа, стало смѣняться сначала равнодушіемъ къ дѣлу войны, а затѣмъ подозрительностью къ власти. Возникъ жгучій вопросъ: можетъ ли быть война выиграна усиліемъ одного Правительства, способно ли оно на это?

Членамъ Государственной Думы, на первыхъ же порахъ, стало яснымъ, что не хватитъ ни снарядовъ, ни патроновъ, въ виду громадной ихъ потребности. Мы съ тревогой спрашивали себя, какъ же дѣло пойдетъ дальше? И чтобы снять съ себя всякіе упреки въ отсутствіи своевременной информаціи начальствующихъ лицъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла, Предсѣдатель Государственной Думы вновь выѣхалъ въ ставку и доложилъ Великому Князю Верховному Главнокомандующему, на основаніи точныхъ, имѣющихся у него данныхъ и цифръ, что размѣры, которые принимаетъ война, и колоссальныя потребности въ боевыхъ припасахъ должны опрокинуть всѣ нормы, установленныя въ этомъ отношеніи въ расчетахъ снабженія орудій и винтовокъ достаточнымъ количествомъ снарядовъ, патроновъ. Нашъ врагъ превышалъ насъ не менѣе, чѣмъ въ десять разъ техническимъ оборудованіемъ и для того, чтобы упрочить наше положеніе, и чтобы не оставить Армію совершенно безоружной, безъ пороха, патроновъ, шрапнелей и орудій—необходимо было немедленно, съ нашей точки зрѣнія по крайней мѣрѣ, призвать къ энергичной дѣятельности промышленность страны и все общество. Только въ этихъ мѣрахъ можно было видѣть спасеніе Россіи отъ грозящаго ей разгрома.

Правительство и мобилизація страны на нужды военнаго времени.

Великій Князь Верховный Главнокомандующій оказался вполнѣ правильно освѣдомленнымъ по этому вопросу, вполнѣ соглашаясь со мной, и просилъ всѣ усилія направить къ тому, чтобы освѣтить вопросъ, съ такой же полнотой, не только ему, но и Государю Императору. Послѣдствія этого были таковы: Военному Министру, Генералу Сухомлинову, всѣ документальныя данныя были доложены. Сухомлиновъ все это долженъ былъ доложить Государю Императору, но доложилъ это, очевидно, въ иномъ свѣтѣ, ибо дѣло продолжало стоять на той же точкѣ замерзанія. Вслѣдствіе этого явилась необходимость въ личномъ докладѣ Предсѣдателя Государственной Думы съ матеріалами въ рукахъ, но и на этотъ докладъ опредѣленнаго отвѣта не послѣдовало. Правда, были приглашены нѣкоторые промышленники и заводовладѣльцы въ Главное Артиллерійское Управленіе, но они были встрѣчены въ немъ далеко невнимательно и имъ предъявили такія невыполнимыя условія, что стало ясно, что совмѣстной работы съ ними Правительство не ищетъ. Вслѣдствіе этого, большинство изъ этихъ лицъ, видя невозможность что-либо сдѣлать, не пошло на сдѣланный призывъ, и дѣло оставалось на томъ же мѣстѣ.

Послѣдствія такого отношенія Правительства къ усиліямъ общества помочь общей бѣдѣ, помочь общими усиліями и потушить разгоравшійся пожаръ—скоро обнаружили себя. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что все сдѣлаетъ самъ черезъ губернаторовъ и Армію сапогами снабдитъ. Одинъ мой знакомый мнѣ передавалъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ одной изъ губерній. „По моей дорогѣ тянется странная процессія,—разсказывалъ онъ,—толпа крестьянъ, повидимому, очень мирная, окруженная, однако, стражниками и урядниками. На вопросъ одному изъ нихъ, котораго я зналъ лично: „куда васъ ведутъ?" послѣдовалъ оригинальный отвѣтъ: „Мы, дескать, сапожники, гонятъ насъ по нарядамъ въ губернскій городъ для шитья сапогъ

на Армію." И вотъ такимъ кустарнымъ образомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проводилъ великое и отвѣтственное дѣло снабженія Арміи, истекавшей кровью на фронтѣ.

Военно-артиллерійское вѣдомство, не желая, повидимому, довѣрять русской промышленности и не давая, поэтому, промышленности объединиться въ прочныя организаціи, очевидно, изъ страха какого то революціоннаго движенія, заказы свои дѣлало за границей. Но результаты отъ этого были для насъ очевидны. Доблестные союзники сами не были подготовлены къ войнѣ. У нихъ все, что только было возможно, было мобилизовано для своихъ собственныхъ военныхъ нуждъ, и на русскіе заказы оставалось слишкомъ мало производительныхъ силъ для срочнаго исполненія заказовъ, а дѣло велось въ такихъ предѣлахъ, чтобы только грубо не нарушить принятыхъ на себя условій и обязательствъ. Необходимость быстро создать огромную Армію, не существовавшую, напримѣръ, въ Англіи, вызвала необыкновенное напряженіе народнаго труда, а на нашу долю оставались только отбросы, которые опять таки, за отсутствіемъ надлежащаго тоннажа, т. к. перевозка и доставка въ Россію возможна была только черезъ замерзающіе сѣверные порты,—опаздывали и прибывали чрезвычайно неаккуратно и, что всего хуже, создали вокругъ заказовъ въ Россіи цѣлую армію авантюристовъ, разобраться въ доброкачественности которой Артиллерійскому вѣдомству не представлялось никакой возможности. Зачастую заказы отдавались въ нежелательныя и даже недобросовѣстныя руки. Но т. к. Правительство было убѣждено, что заказы придутъ своевременно, то въ ожиданіи ихъ поступленія оно разрѣшало тратить снаряды, находящіеся въ наличности въ Арміи въ неограниченномъ количествѣ. Заказы изъ за-границы, однако, не приходили въ срокъ, и положеніе получилось такое, что къ веснѣ 1915 года снарядовъ оказалось минимальное количество, и Армія буквально голодала въ этомъ отношеніи.

Предсѣдателемъ Государственной Думы это обстоятельство было доложено Государю Императору Николаю II.

„Вы ошибаетесь, Михаилъ Владиміровичъ", отвѣтилъ онъ мнѣ: „вотъ вѣдомость на сдѣланные заказы снарядовъ, ихъ должно хватить".—„Но, Ваше Величество, вѣдомости поступленія заказовъ, повидимому, у Васъ не имѣется", отвѣтилъ я. И этой вѣдомости дѣйствительно не оказалось въ рукахъ Императора.

Армія тогда сражалась почти голыми руками. При поѣздкѣ моей въ Галицію на фронтъ, весной 1915 года, я былъ свидѣтелемъ, какъ иногда отбивались непріятельскія атаки камнями, и даже было предположеніе вооружить войска топорами на длинныхъ древкахъ. **И тѣмъ не менѣе, однако, эта нищая по снаряженію, но доблестная по духу Армія безропотно умирала, проливая свою кровь за честь и достоинство РОССІИ, и все таки одерживала побѣды.**

Вотъ какъ въ это время Правительство относилось къ настойчивому желанію всѣхъ общественныхъ элементовъ страны придти ему на помощь, безъ различія партій и безъ всякой задней мысли, съ исключительной цѣлью поддержать Правительство въ эту донельзя тяжелую и трудную минуту.

Внутренняя политика Правительства.

Не лучше обстояло дѣло и въ политикѣ Правительства по отношенію къ народностямъ, входящимъ въ составъ Россійскаго государства. Наиболѣе яр-

кимъ примѣромъ такого отношенія является историческое знаменитое воззваніе къ полякамъ, выпущенное Верховнымъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ самомъ началѣ войны. Воззваніе это, обѣщаніемъ самостоятельности Польшѣ въ цѣляхъ примиренія Польши съ Россіей въ ихъ вѣковомъ спорѣ, имѣло цѣлью привлечь окончательно симпатіи какъ русскихъ, такъ и зарубежныхъ поляковъ къ Россіи, и объединить всѣ славянскія національности противъ ихъ общаго врага. Воззваніе это было, несомнѣнно, санкціонировано Верховной властью и составлено при участіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сазонова. Иначе оно и быть не могло. Верховный Главнокомандующій, несмотря на значительный объемъ своихъ правъ и власти, очевидно, не могъ дѣйствовать безъ вѣдома и санкціи главы Государства въ такомъ кардинальномъ вопросѣ.

Однако, послѣ обнародованія упомянутаго документа, рядомъ Министровъ крайнихъ правыхъ теченій была подана Императору Николаю II докладная записка объ опасности сдѣланнаго воззванія къ полякамъ, въ виду возможности расчлененія Государства и откола отъ него Царства Польскаго. Повидимому, Императоръ Николай II внялъ этому представленію, ибо Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ была дана соотвѣтствующая инструкція Варшавскому Губернатору въ смыслѣ желательности нѣкотораго охлажденія возбужденнаго національнаго чувства поляковъ. Ему давалось порученіе вылить на поляковъ какъ бы ушатъ холодной воды. Поляки всполошились. Послѣдовалъ цѣлый рядъ депутацій отъ національныхъ общественныхъ учрежденій Польши въ Петроградъ. Онѣ приходили ко мнѣ и умоляли меня объяснить Императору Николаю II, насколько гибельны могутъ быть послѣдствія отъ такой двойственной политики. Я долженъ былъ испросить всеподданнѣйшій докладъ для этого дѣла, но со стороны Императора Николая II встрѣтилъ отрицательное и даже враждебное отношеніе. „Мы, кажется, поторопились!“ сказалъ онъ. Поторопились, но, вѣдь, въ такомъ вопросѣ, разъ сдѣланъ рѣшительный шагъ, вернуться назадъ нельзя.—Не значило ли это колебать престижъ Царской власти, не значило ли такимъ путемъ расшатывать устои самого Государства, и не есть ли это яркій примѣръ отсутствія пониманія Правительствомъ народныхъ и государственныхъ интересовъ.

Характеръ думской оппозиціи.

Государственная Дума видѣла также ясно, что и въ другой отрасли народнаго хозяйства распоряженія Правительства заставляли желать много лучшаго. Коренннымъ условіемъ для успѣшнаго веденія кампаніи, несомнѣнно, является правильная постановка транспорта и правильное движеніе по желѣзнодорожнымъ путямъ, тѣмъ болѣе, что сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, какъ это хорошо всѣмъ извѣстно, была далеко недостаточна и совершенно не приспособлена къ тѣмъ громаднымъ перевозкамъ, которыя по ней должны были слѣдовать. Что же сдѣлало Правительство въ этомъ направленіи? Вмѣсто того, чтобы объединить все управленіе желѣзныхъ дорогъ, дѣйствующихъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и въ тылу, и координировать ихъ однимъ общимъ планомъ, управленіе это было разбито на двѣ самостоятельныхъ группы. Желѣзнодорожные пути, находящіеся въ районѣ дѣйствующей арміи, были подчинены, на диктаторскихъ правахъ, отдѣльнымъ лицамъ, вѣдающимъ пе-

редвиженіемъ войскъ, а внутри Имперіи—движеніе было подчинено Министру Путей Сообщенія. Оба эти лица другъ отъ друга не зависѣли и взаимно другъ другу не подчинялись. Создать, такимъ образомъ, согласованный графикъ движенія, при условіи недостаточности подвижного состава, явилось дѣломъ совершенно невозможнымъ, и послѣдствія скоро оказались печальными. Получалось постоянное скопленіе грузовъ внутри страны, пробки на узловыхъ пунктахъ, недостаточность вагоновъ и паровозовъ, получился, по мѣткому выраженію одного желѣзнодорожнаго дѣятеля, слоеный пирогъ вагоновъ самаго разнообразнаго состава грузовъ, разобрать который не представлялось никакой возможности, и многіе скоропортящіеся грузы гибли по этой причинѣ и становились негодными къ употребленію.

И вмѣсто того, чтобы понять свою ошибку, Правительство въ этомъ направленіи никакого улучшенія и никакого согласованія между движеніемъ желѣзнодорожнымъ на фронтѣ и въ тылу не сдѣлало. Государственная Дума въ своихъ засѣданіяхъ доводила до свѣдѣнія верховныхъ властей объ этомъ обстоятельствѣ, указывая, что разстройство транспорта можетъ гибельно отозваться на исходѣ кампаніи, что оно можетъ повести къ столь опаснымъ осложненіямъ, что внѣ зависимости отъ доблести нашихъ славныхъ войскъ, внѣ зависимости отъ всенародныхъ жертвъ,—можетъ стоить намъ пораженіемъ. Руководствуясь такими же соображеніями, Министръ Путей Сообщенія—Рухловъ—подалъ въ отставку и былъ уволенъ. Нужно помнить при этомъ, что сѣверныя губерніи Россіи питаются почти исключительно привознымъ хлѣбомъ, что такая бѣда, какъ несвоевременная доставка продовольствія въ сѣверныя губерніи и промышленныя области Россіи, могла вызвать голодовку въ этихъ мѣстностяхъ, выбить изъ колеи все хозяйство, не говоря уже о томъ, что остановка привоза топлива могла остановить работу заводовъ на оборону. Кромѣ этого, такое положеніе въ тылу могло обезпокоить бойцовъ на фронтѣ, которые, зная, что дома ихъ семьи голодаютъ, могли бы лишиться необходимаго спокойствія и душевнаго равновѣсія.

Но всѣ представленія Государственной Думы оставались втунѣ.

Можно привести цѣлый рядъ фактовъ изъ этой области; у меня имѣются соотвѣтствующіе матеріалы, но я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, за все время войны не были ни разу использованы, въ достаточной степени, водные пути сообщенія внутри страны для подвоза дешевыми способами необходимаго продовольствія къ тѣмъ желѣзнодорожнымъ узламъ, которые смогли бы, въ свою очередь, довезти этотъ хлѣбъ до указанныхъ пунктовъ, сокращая этимъ требованіе на желѣзнодорожный подвижной составъ и ихъ пробѣгъ. То же самое наблюдалось и въ отношеніи организаціи продовольствія страны, и въ отношеніи распредѣленія продуктовъ первой необходимости.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ таковыхъ предметовъ оказывалось очень много, даже съ избыткомъ, а другія терпѣли въ нихъ острую нужду. И все это было послѣдствіемъ исключительной нераспорядительности Правительства, не желавшаго внимать практическимъ указаніямъ общественныхъ дѣятелей.

Безотвѣтственныя воздѣйствія.

А между тѣмъ на глазахъ у всѣхъ былъ яркій примѣръ, какъ при обратной постановкѣ вопроса возможно достиженіе блестящихъ результатовъ. Такъ было, напримѣръ, съ постановкой санитарнаго дѣла въ Дѣйствующей Арміи.

Санитарное дѣло въ Арміи, куда были допущены къ работѣ общественные элементы, стояло всегда на должной высотѣ. Но даже столь яркій примѣръ пользы и благихъ послѣдствій сочетанія всѣхъ силъ страны въ дружной работѣ съ Правительствомъ не убѣдилъ послѣднее примѣнить его и въ другихъ отрасляхъ управленія. Между тѣмъ двойственность внутренней политики проявлялась во всемъ.

Министры вносили и отстаивали либеральные законы въ Думу и защищали ихъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ безмолвствовали и голосовали, какъ Члены Государственнаго Совѣта, противъ своихъ же законопроектовъ.

Вести дальше страну по этому пути было просто опасно,—это означало бы неминуемый крахъ-катастрофу. Общество живо это чувствовало и его, конечно, охватывало безпокойство и тревога. Изъ этого состоянія умовъ постепенно назрѣвало убѣжденіе, что Правительство неспособно выиграть войну, и стало вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно для всѣхъ, что послѣдствіемъ пораженія будетъ порабощеніе Россіи Германіей, и всѣ сопряженныя съ нимъ тяжелыя экономическія послѣдствія. Всѣ чувствовали, что мы идемъ къ политической гибели и, естественно, что напряженное чувство сопротивленія такой опасной политикѣ подсказывало чувство оппозиціонное, чувство возмущенія и сопротивленія тѣмъ правительственнымъ дѣйствіямъ, которыя не объединяли всѣ производительныя силы страны, а разъединяли ихъ, и приводили въ состояніе неспособности къ плодотворной работѣ, ослабляя энергію и народный творческій духъ. Возростало неудовольствіе и на почвѣ все большаго и большаго увеличенія дороговизны предметовъ первой необходимости. Населеніе негодовало ввиду усиленныхъ наборовъ солдатъ, призываемыхъ безъ видимой необходимости, что, въ свою очередь, вызывало сокращеніе рабочихъ рукъ на мѣстахъ. Но власть продолжала оставаться глухой къ растущему неудовольствію населенія и ко всѣмъ представленіямъ, которыя постоянно дѣлала Государственная Дума въ этомъ направленіи.

Тактика Предсѣдателя Государственной Думы.

Такимъ образомъ, война продолжалась среди указаннаго мною хаоса, который достигъ своего апогея въ апрѣлѣ 1915 года, когда былъ сдѣланъ прорывъ на фронтѣ нашей Арміи на Санѣ, когда Армія Радко-Димитріева, сражаясь противъ сильнѣйшаго въ десять разъ кулака Макензена, превосходящаго наши силы не только численностью, но въ значительной степени и снабженіемъ, имѣла лишь всего по три снаряда на орудіе и по двадцати пяти патроновъ на винтовку. Незадолго до этой катастрофы на фронтѣ я былъ въ Галиціи и, въ частности, во Львовѣ, и былъ тамъ какъ разъ въ то время, когда во Львовъ прибылъ Императоръ Николай II. Мнѣ пришлось быть свидѣ-

телемъ всѣхъ мѣстныхъ торжествъ по случаю пріѣзда нашего Государя, во время которыхъ я былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу. Послѣ обѣда Государь сказалъ мнѣ: „Думали-ли Вы, Михаилъ Владимировичъ, что мы встрѣтимся здѣсь?“

— „Нѣтъ, Ваше Величество, я не думалъ и, при настоящихъ создавшихся условіяхъ, очень сожалѣю, что Вы, Государь, рѣшились предпринять эту поѣздку“.— „Почему?“—„Потому что черезъ три недѣли Львовъ, вѣроятно, будетъ обратно занятъ нѣмцами, и наша Армія будетъ оттѣснена отъ занятыхъ позицій“.—„Вы Михаилъ Владимировичъ, всегда меня пугаете и говорите мнѣ только непріятныя вещи“.

— „Я, Ваше Величество, не осмѣлился бы доложить Вамъ неправды. Я былъ на фронтѣ и удивляюсь Верховному Главнокомандующему какъ онъ допустилъ Васъ пріѣхать сюда при теперешнемъ положеніи вещей. Земля, на которую вступилъ Русскій Монархъ, не можетъ быть дешево отдана обратно, но на ней будутъ пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не сможемъ“.

Къ сожалѣнію, я оказался пророкомъ, и событія пошли послѣ торжествъ во Львовѣ и отъѣзда Государя Императора съ головокружительной быстротой. Положеніе наше съ каждымъ днемъ ухудшалось: былъ отданъ Львовъ, было общее отступленіе въ Польшѣ и постепенно наши доблестныя войска все больше и больше оттѣснялись на востокъ. Въ это время я изъ Галиціи поѣхалъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго и здѣсь, къ великой радости, увидѣлъ, что, наконецъ, Верховная власть склонна идти на уступки и готова призвать къ сотрудничеству въ дѣлахъ войны всѣ общественные элементы. Была, наконецъ, получена возможность привлечь новыя свѣжія силы страны къ дѣлу обороны и спасти Россію отъ окончательнаго разгрома.

Въ Ставкѣ я указалъ Его Величеству, что все, что въ цѣляхъ обороны Государства должно быть сдѣлано, нуждается въ немедленномъ Его утвержденіи. И, наконецъ, получилъ предварительное согласіе на привлеченіе общественныхъ элементовъ въ дѣло обороны Государства.

Императоръ Николай II внялъ на этотъ разъ голосу народныхъ представителей. Были уволены пять Министровъ, наиболѣе враждебно настроенныхъ къ народному представительству, съ Военнымъ Министромъ Сухомлиновымъ во главѣ, и призваны были къ власти наиболѣе популярные государственные дѣятели. и послѣ сформированія кабинета была созвана Государственная Дума въ августѣ мѣсяцѣ 1916 года.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ государства.

Первой основной и главной задачей должна была быть забота объ обезпеченіи Арміи боевымъ снаряженіемъ. Въ этихъ цѣляхъ было основано Особое Совѣщаніе по оборонѣ, въ которое вошли: Члены Законодательныхъ Палатъ, представители промышленности, представители финансоваго міра и соотвѣтствующіе представители отъ вѣдомствъ разнаго типа. Работа этого Совѣщанія не могла быть гласной, такъ какъ касалась интимнѣйшихъ сторонъ и секретнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла снабженія и вооруженія Арміи. Вотъ почему русское общество мало знакомо съ плодотворной дѣятельностью этого учрежденія, ко-

торое своимъ неусыпнымъ трудомъ, какъ мы это увидимъ ниже, способствовало дѣлу снабженія Арміи, особенно снарядами и другими предметами снаряженія въ изобиліи и поставила дѣло вооруженія на такую высоту, которая превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Какъ и слѣдовало ожидать, результаты работъ Особаго Совѣщанія сказались довольно скоро. Уже къ серединѣ 1915 г. Совѣщаніе вполнѣ сорганизовалось: были привлечены къ дѣлу обороны всѣ живыя реальныя силы страны, создался Военно-Промышленный Комитетъ (центральный) съ отдѣлами на мѣстахъ, объединившій всѣ заводы и всю русскую промышленность. Такимъ образомъ все, что могло работать въ дѣлѣ обороны, укрѣпленія, снабженія и снаряженія Арміи, было поставлено на ноги, фронтъ въ скоромъ времени былъ засыпанъ ящиками со снарядами и патронами, на которыхъ руками рабочихъ было выгравировано: „Снарядовъ не жалѣть!“ Насколько плодотворна была работа Особаго Совѣщанія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты: когда во время февральскаго переворота возникли неизбѣжныя забастовки на заводахъ, работающихъ на оборону, и Особое Совѣщаніе потребовало отъ Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія свѣдѣнія, въ какомъ положеніи находится дѣло снаряженія, и нѣтъ-ли опасности, ввиду забастовокъ, въ томъ, что дѣло снаряженія и поставка снарядовъ замнется и остановится и Дѣйствующая Армія будетъ поставлена въ затруднительное положеніе,—то изъ доклада Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія выяснилось, что если бы даже всѣ заводы прекратили свою работу совершенно, то запасы снарядовъ такъ велики, что артиллерійская стрѣльба и огонь отъ этого не уменьшатся и запасовъ хватитъ на три мѣсяца интенсивныхъ боевъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что снарядовъ и предметовъ снаряженія было изготовлено колоссальное количество, и при томъ, слѣдуетъ отмѣтить, преимущественно русскаго производства, хотя, конечно, извѣстная доля иностранныхъ заказовъ стала, наконецъ, поступать.

Вторымъ доказательствомъ огромности запасовъ снаряженія служитъ то, что въ возникшей гражданской войнѣ большевистскія войска не терпѣли никакой нужды въ снарядахъ и оружіи, пользуясь тѣми складами и запасами, которые были припасены трудами Особаго Совѣщанія по оборонѣ.

Итакъ, вотъ что значитъ правильный шагъ Правительства въ дѣлѣ сплоченія живыхъ реальныхъ силъ страны во имя общей цѣли, вотъ что значитъ отрѣшиться отъ неправильной мысли, что войну можетъ выиграть Правительство одно, безъ участія реальныхъ творческихъ народныхъ силъ.

Результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Интенсивная работа русской промышленности и ея развитіе возбуждали нескрываемое удивленіе иностранцевъ и дали возможность Особому Совѣщанію, въ свою очередь, крайне критически отнестись къ существующимъ контрактамъ и заказамъ снарядовъ за-границей, а это, конечно, въ значительной мѣрѣ явило возможность сокращенія нашей задолженности союзникамъ.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ и Правительство.

Верховная власть, рѣшившаяся самостоятельно на подобный шагъ, встрѣтила, однако, отрицательное къ нему отношеніе со стороны Правительства.

Вначалѣ Особое Совѣщаніе существовало и дѣйствовало въ порядкѣ 87 статьи, но впослѣдствіи состоялось постановленіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ законодательномъ порядкѣ, утвердившее законодательнымъ актомъ, санкціонированнымъ Верховной властью, учрежденіе и положеніе объ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ.

И тѣмъ не менѣе Государственная Дума, собранная въ августѣ мѣсяцѣ для того, какъ указывалъ Императоръ Николай II въ своемъ рескриптѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы въ трудную годину жизни Государства услышать мнѣніе земли, была внезапно и безъ видимыхъ причинъ распущена. Трудясь добросовѣстно надъ выясненіемъ причинъ возникшихъ въ войнѣ неудачъ и катастрофъ, Государственная Дума не проявила никакой агрессивности и ея дѣятельность была направлена исключительно къ устраненію тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели къ роковой бѣдѣ. Само собой разумѣется, что роспускъ Государственной Думы, по непонятнымъ причинамъ, ничѣмъ не вызванный съ ея стороны, создалъ сугубое раздраженіе и озлобленіе противъ Правительства. Возвращаясь къ Особому Совѣщанію по оборонѣ, нельзя не отмѣтить, что дѣятельность его была не по нутру правящимъ кругамъ. Вторженіе живого общественнаго элемента въ замкнутыя формы бюрократическаго строя раздражало правящіе круги. Тысячи препонъ, мелочей и треній тормазили работу, ихъ приходилось преодолѣвать съ большими затрудненіями, и на это уходила чуть ли не треть всей энергіи работающихъ въ Особомъ Совѣщаніи. И несмотря на то, что засѣданія Особаго Совѣщанія были закрытыя,—скрыть этого обстоятельства отъ вниманія общества было невозможно.

Правительство ухитрилось даже въ настроеніи чисто патріотическомъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, работающихъ въ Совѣщаніи по оборонѣ, видѣть стремленіе къ революціи, и отношеніе его къ Совѣщанію получилось совершенно неожиданное.

Правительство какъ бы задалось цѣлью создать во что бы то ни стало оппозицію даже въ средѣ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Получилось убѣжденіе, что идея необходимости революціи ни кѣмъ инымъ такъ облзательно не была внушаема всѣмъ и каждому, какъ самимъ Правительствомъ.

Постановленія Особаго Совѣщанія утверждались Военнымъ Министромъ, и пока во главѣ Военнаго Министерства стоялъ генералъ Поливановъ, дѣло шло болѣе или менѣе гладко, но замѣна генерала Поливанова генераломъ Шуваевымъ сразу измѣнила взаимныя отношенія. Новый Военный Министръ не видѣлъ надобности подчиняться постановленіямъ Особаго Совѣщанія, и все болѣе и болѣе приходилось вступать съ нимъ въ пререканія и доказывать необходимость принятыхъ Совѣщаніемъ мѣръ, теряя, такимъ образомъ, время на споры и пререканія.

Диктатура въ тылу.

Въ половинѣ 1916 года въ Ставкѣ возникло предположеніе, что все возрастающее неустройство тыла требуетъ экстра-ординарныхъ мѣръ, и виднымъ лицомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ составленъ проэктъ объ учрежденіи единоличной диктатуры для тыла Арміи въ видѣ облеченнаго чрезвычайными полномочіями лица, которому должны были подчиняться всѣ учре-

жденія какъ правительственныя, такъ и общественныя, по типу Главноуполномоченнаго по Санитарной Части (Принцъ Ольденбургскій). Когда извѣстіе о такомъ проэктѣ дошло до Предсѣдателя Государственной Думы и до ея Членовъ,—у насъ, естественно, возникла тревога, что учрежденіе такой диктатуры еще болѣе затормазитъ и запутаетъ дѣло, создавая параллельно двѣ диктатуры Верховнаго Главнокомандующаго на фронтѣ и диктатуру въ тылу. Предсѣдатель Государственной Думы, испросивъ съ этой цѣлью докладъ, поѣхалъ въ Ставку, и, по возможности, старался убѣдить Государя Императора Николая II не только въ безполезности, но и опасности такой мѣры, которая такимъ образомъ могла окончательно разъединить театръ военныхъ дѣйствій, и территорію тыла. Правительство, какъ таковое, должно было бы потерять всякое значеніе Государственной власти, принимая во вниманіе огромныя полномочія проэктируемаго диктатора. Было совершенно ясно, что учрежденіе такой диктатуры можетъ повлечь за собой опасные толки въ народѣ, что Царь не справился съ принятыми на себя задачами, что онъ не можетъ одновременно командовать Арміей и управлять Государствомъ. Явилась еще и такая опасная альтернатива. Если такимъ лицомъ будетъ назначенъ членъ Царской фамиліи, то легко можетъ возникнуть просто династическій вопросъ, кто, наконецъ, старше,—диктаторъ ли тыла или Главнокомандующій фронтомъ. Если не будетъ назначено частное лицо изъ правящихъ классовъ, то примѣръ Юаншикая въ Китаѣ, провозгласившаго себя президентомъ Китайской Республики, можетъ оказаться довольно соблазнительнымъ для вновь испеченнаго диктатора и опасность новыхъ смутъ и броженія угрожающе выдвигалась бы тогда на первый планъ, что, конечно, во время войны было опасно. Были поэтому исчерпаны всѣ средства для того, чтобы убѣдить Императора отъ такого шага отказаться. Къ сожалѣнію, попытка въ этомъ направленіи увѣнчалась успѣхомъ только на половину: проэктъ былъ на первыхъ порахъ отвергнутъ Императоромъ Николаемъ II, но бывшій Предсѣдатель Совѣта Министровъ—Штюрмеръ—использовалъ его при содѣйствіи и вліяніи темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ Императрицу, а именно Распутина, и его присныхъ, въ томъ смыслѣ, что негласно секретнымъ указомъ Верховная власть диктаторскія права указаннаго мною выше типа возложила на него, Штюрмера, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Штюрмеръ, облеченный столь обширными полномочіями, оказался сразу же въ коллизіи съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ, остановилъ нѣсколько его постановленій, уже утвержденныхъ Военнымъ Министромъ, что вызвало въ Членахъ Особаго Совѣщанія, незнакомыхъ еще съ секретнымъ указомъ Верховной власти, тревогу и недоумѣніе, которое, въ концѣ концовъ, вылилось въ бурное объясненіе съ Военнымъ Министромъ, и опять таки, вмѣсто планомѣрной и плодотворной работы, создался прецедентъ для безконечныхъ подозрѣній, недоумѣній и треній.

Вотъ еще примѣръ, насколько Правительство той эпохи было нерѣшительно въ своихъ дѣйствіяхъ. Принимая шаги въ одномъ направленіи, оно сейчасъ же отъ нихъ отказывалось, и путемъ противорѣчивыхъ постановленій, путемъ отказа отъ одного принципа въ угоду другому—вносило такую сумятицу, такой сумбуръ въ отвѣтственную работу созданныхъ уже учрежденій, что кромѣ вреда, опаснаго и гибельнаго, ничего другого ожидать было невозможно.

Россія и союзники.

Теперь небезынтересно будетъ ознакомиться съ отношеніемъ союзниковъ къ Россіи вообще и, въ частности, къ Правительству и Государственной Думѣ. Для того, чтобы ярче освѣтить, какъ оцѣнивали страны, союзныя намъ, отношеніе Государственной Думы къ дѣлу войны,—имѣется достаточное количество фактовъ въ моемъ распоряженіи. Такъ, напримѣръ, иностранная печать того времени отмѣтила его въ своей прессѣ такими мыслями: „По словамъ союзныхъ делегатовъ, неопредѣленность внутренней политики Россіи учитывается общественнымъ мнѣніемъ союзныхъ державъ, какъ неблагопріятный признакъ для общаго дѣла союзниковъ. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе производитъ не вполнѣ благожелательное отношеніе къ законодательнымъ учрежденіямъ. Продолженіе такого рода неопредѣленной внутренней политики можетъ вызвать въ союзныхъ странахъ охлажденіе, что особенно нежелательно теперь, когда возникаетъ вопросъ о финансированіи Россіи. Дѣловые круги Европы, не имѣя твердой увѣренности въ политическомъ курсѣ Россіи, воздержатся вступать въ опредѣленныя съ нею соглашенія".

Въ началѣ 1916 года состоялся съѣздъ делегатовъ иностранныхъ державъ въ Петроградѣ, и отзывы этихъ представителей о настроеніи и общихъ событіяхъ Россіи представляютъ глубокій историческій интересъ. По словамъ отдѣльныхъ делегатовъ, неопредѣленность положенія страны и общее недовольство Правительствомъ считается неблагополучнымъ признакомъ для общаго дѣла борьбы съ Германіей. Конечно, неправильныя соотношенія Правительства и общества въ Россіи могли вызвать охлажденіе иностранцевъ и сомнѣніе въ нихъ. Да и у самихъ русскихъ уже появилось нѣкоторое чувство безнадежности, и все же, несмотря на всѣ указанія, несмотря на всѣ вопли о необходимости дружной работы Правительства съ общественными элементами—идея эта, хотя бы во имя упроченія довѣрія союзниковъ къ Россіи, не получила осуществленія, и, конечно, продолженіе такого настроенія правящихъ круговъ являлось крайне опаснымъ для успѣшнаго окончанія войны. Пораженческое движеніе въ это время подняло голову, и выступленія въ этомъ направленіи разнаго вида агитаторовъ стали учащаться. Отзывы отдѣльныхъ лицъ иностранныхъ делегацій о положеніи дѣлъ въ Россіи и отношеніе къ ней союзныхъ державъ чрезвычайно характерны. Французскій бывшій премьеръ-министръ Думмергъ, при посѣщеніи Россіи, сказалъ: „Французы горячо и искренно относятся къ Государственной Думѣ и представительству русскаго народа, но не къ Правительству. Вы заслуживаете лучшаго Правительства, чѣмъ оно у васъ существуетъ". На совѣщаніи Конференціи союзники, члены, делегаты иностранцы выражали свои мысли по поводу того, насколько они поражены единеніемъ всего русскаго народа и общества. „Это трогательное единеніе всей Россіи,—сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей Думмергъ,—имѣетъ своею единственной цѣлью достиженіе побѣды, и передъ нимъ можно только преклониться". Но не такого мнѣнія были иностранцы о нашихъ министрахъ.

Когда я задалъ одному изъ нихъ вопросъ, какое впечатлѣніе на него произвелъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, то онъ отвѣтилъ буквально: „Это народное бѣдствіе". На такой же мой вопросъ о другомъ Министрѣ—военномъ—послѣдовалъ отвѣтъ: „Это катастрофа". Другой представитель французскаго

Правительства, соціалистическій Министръ Альберъ Тома, которому я задалъ при отъѣздѣ вопросъ: „Какъ Вы, г-нъ Альберъ Тома, оцѣниваете состояніе умовъ (это было въ январѣ 1916 года), скажите откровенно мнѣ Ваше впечатлѣніе о всемъ видѣнномъ Вами въ Россіи",—отвѣтилъ, сдѣлавшись сразу серьезнымъ и вдумчивымъ: „Г-нъ Предсѣдатель, нужно быть очень богатымъ экономически, а морально быть очень увѣреннымъ въ себѣ и вѣрить въ эту экономическую и моральную мощь свою, чтобы пребывать, въ такой исключительный моментъ, въ состояніи сладкой и безмятежной анархіи, въ которой находится Россійское Правительство и Русское общество; сознательно или нѣтъ—я этого рѣшить не берусь". Считаю здѣсь необходимымъ, говоря о союзникахъ, рѣшительно опровергнуть взводимое на почтеннаго Англійскаго посла сэра Бьюкенена обвиненіе, **что онъ былъ душою переворота и революціи и своей дѣятельностью воодушевлялъ и помогалъ революціоннымъ элементамъ Россіи. Это совершенная неправда и клевета на глубоко всѣми уважаемаго политическаго дѣятеля.** Въ этомъ отношеніи всѣ представители нашихъ союзниковъ были донельзя корректны и рѣшительно отвергали всегда всякія попытки вмѣшивать ихъ въ наши внутреннія дѣла.

Вы видите, господа, какой хаосъ царилъ въ правящихъ кругахъ и среди Государственной власти въ этотъ страшный часъ, переживаемый Россіей (да, пожалуй, и въ общественныхъ кругахъ). И надобно признать, что постепенное измѣненіе настроенія изъ патріотическаго въ революціонное и глухое недовольство вкоренились именно въ недовѣріи всѣхъ мыслящихъ Русскихъ круговъ къ своему Государственному аппарату, который, очевидно, стоялъ не на высотѣ своего заданія и не могъ справиться съ тѣми тяжелыми обстоятельствами, которыя разрѣшить выпало на его долю.

Я еще разъ долженъ напомнить, что въ самомъ возникновеніи войны партіи въ Государственной Думѣ сгладились: былъ единственный лозунгъ огромнаго большинства Государственной Думы—это всемѣрно помогать Правительству въ его тяжеломъ дѣлѣ веденія міровой войны и достиженія побѣды во славу Отечества.

Дезорганизація власти.

Обязанностью народныхъ представителей являлось, такимъ образомъ, въ это время стремленіе къ измѣненію отношенія Правительства къ народу и общественнымъ силамъ въ цѣляхъ побудить его пойти на путь объединенія съ отечественными производительными силами и сдѣлать все возможное въ этой области. Но шло ли Правительство навстрѣчу ему? Я смѣло утверждаю, что нѣтъ. Чѣмъ дальше развивалась война, тѣмъ суровѣе и безпощаднѣе, если можно такъ выразиться, становилось отношеніе Правительства къ обществу. Правительству вездѣ снилась и грезилась возникающая революція и, вмѣсто того, чтобы усмирить и успокоить взволнованные небывалыми жертвами и тяжкими сомнѣніями умы населенія, Правительство дѣлало, вѣроятно безсознательно, все возможное къ тому, чтобы еще больше возбудить къ себѣ всеобщее неудовольствіе и заслуженное къ себѣ недовѣріе.

Невѣроятно быстрая и ничѣмъ не вызванная перемѣна и перетасовка Министровъ получила характеръ системы, и Членомъ Государственной Думы

Пуришкевичемъ съ каѳедры громко было мѣтко охарактеризовано „Министерской чехардой“. Ясно, что быстрая перемѣна главъ вѣдомствъ наносила непоправимый ущербъ планомѣрному теченію дѣлъ, внося въ работу вѣдомствъ сумбуръ, что, конечно, выгодно могло быть только нашимъ врагамъ. Въ прочность и долговѣчность назначаемыхъ министровъ никто не вѣрилъ, да не вѣрили и они сами въ себя. Послѣдствіемъ такого настроенія было то, что энергіи въ работѣ не было. Никто изъ назначаемыхъ не вѣрилъ въ то, что проектируемыя мѣры или реформы удастся провести въ жизнь за кратковременностью своего пребыванія у власти. Въ вѣдомствахъ устраивались, при назначеніи новаго Министра, пари или нѣчто въ родѣ тотализатора, на срокъ пребыванія даннаго лица у власти.

Какъ назначались, напримѣръ, Министры, столь быстро смѣнявшіе другъ друга? На этотъ вопросъ я отвѣчу ихъ собственными словами. Когда на постъ Премьера былъ назначенъ Иванъ Логиновичъ Горемыкинъ, я спросилъ его: „Какъ Вы, Иванъ Логиновичъ, при Вашихъ преклонныхъ годахъ, рѣшились принять такое отвѣтственное назначеніе“? Горемыкинъ, этотъ безупречно честный государственный дѣятель и человѣкъ, отвѣтилъ мнѣ однако буквально слѣдующее: „Ахъ, мой другъ, я не знаю почему, но меня вотъ уже третій разъ вынимаютъ изъ нафталина“. Когда князь Голицынъ получилъ назначеніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я его спросилъ: „Какъ Вы, почтенный князь, идете на такой постъ въ столь тяжелое время не будучи совершенно подготовлены къ такого рода дѣятельности“. Князь Голицынъ буквально отвѣтилъ слѣдующее: „Я совершенно согласенъ съ Вами. Если бы Вы слышали, что я наговорилъ самъ о себѣ Императору; я утверждаю, что если бы обо мнѣ сказалъ все это кто либо другой, то я вынужденъ былъ бы вызывать его на дуэль“. Возможенъ ли былъ при этихъ условіяхъ порядокъ?

На почвѣ жгучаго страха за будущее Родины, на почвѣ все возрастающаго хаоса въ транспортѣ, на почвѣ все возрастающей дороговизны предметовъ первой необходимости, на почвѣ ненужныхъ наборовъ воиновъ, отрывающихъ рабочія руки отъ необходимой работы внутри страны, при чемъ всѣ эти неурядицы падали, главнымъ образомъ, всей тяжестью на низшіе слои народа, на неимущее населеніе,—назрѣвало такое недовольство, которое вѣрными шагами вело народъ къ революціоннымъ эксцессамъ. Могло ли при видимомъ неустройствѣ народнаго хозяйства, при видимой, очевидной неспособности Правительства создать болѣе или менѣе нормальныя условія для того, чтобы, хотя бы сносно, но возможно было бы переносить тяготы войны и сопряженныя съ ней жертвы, могло ли отношеніе населенія быть благожелательнымъ къ Правительству и, даже, къ Верховной власти, и могла ли Государственная Дума, несмотря на свои сверхчеловѣческія усилія, удержать назрѣвающій взрывъ. Я смѣло утверждаю и беру на себя отвѣтственность за эти слова, что Государственная Дума 4-го созыва сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы удалить всѣ эти возникшія недоразумѣнія. Но голосъ ея никогда ни Верховной властью, ни Правительствомъ въ достаточной мѣрѣ не былъ услышанъ. Судите поэтому сами, насколько обвиненіе, падающее на Государственную Думу, въ томъ, что она возглавила, подготовила, воодушевила и осуществила революцію—справедливо.

Никто изъ Министровъ не рѣшался воздѣйствовать сообща съ Государственной Думой на политику Верховной власти. Такъ было всегда и задолго до

войны. Еще въ 1912 г. по поводу конфискаціи брошюры профессора Московской Духовной Академіи Новоселова, направленной противъ Распутина и начинавшейся словами „Quousque tandem Catilina abutere patienta nostra", былъ предъявленъ въ Государственной Думѣ запросъ по поводу этого незакономѣрнаго дѣйствія. Обстоятельство это грозило развернуться въ общественный скандалъ. Въ цѣляхъ предохраненія Верховной власти отъ такой бѣды и желая сдѣлать попытку прекратить вредное для Императора Николая II пребываніе при дворѣ его пресловутаго старца Распутина, я пытался склонить къ совмѣстному докладу Императору Предсѣдателя Совѣта Министровъ В. Н. Коковцова, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта М. А. Акимова и Петроградскаго Митрополита Владимира; всѣ эти три сановника отказали мнѣ поддержать, и я вынужденъ былъ сдѣлать докладъ одинъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что совмѣстный докладъ объ опасныхъ послѣдствіяхъ все возрастающаго вліянія Распутина произвелъ бы значительное впечатлѣніе и быть можетъ достигъ бы цѣли. Въ концѣ 1916 г. я пытался убѣдить Предсѣд. Совѣта Министровъ Кн. Н. Д. Голицына и Предсѣд. Госуд. Совѣта Ив. Гр. Щегловитова въ необходимости уступокъ обществу. Я просилъ ихъ совмѣстно со мной сдѣлать объ этомъ докладъ, заявляя имъ, что невозможно далѣе сдерживать народное возмущеніе; я получилъ рѣзкій отказъ. Мнѣ было при этомъ заявлено, что Предсѣдатель Государственной Думы долженъ предпринять сверхчеловѣческія усилія, но сдержать возникающія волненія. На мое возраженіе, что легче въ предѣлахъ человѣческаго разума совершить благоразумный поступокъ, чѣмъ требовать сверхчеловѣческихъ дѣйствій, послѣдовалъ насмѣшливый отвѣтъ, что такое дѣйствіе, какое я требую, не входитъ въ предѣлы ихъ власти.

Деморализація Арміи.

Когда совершился переворотъ и, такъ называемое, углубленіе революціи привело къ тому, что страсти разнуздались и всѣ дурные инстинкты вылили наружу, получилось трагическое по своимъ тяжкимъ послѣдствіямъ для Государства разложеніе Арміи, которая отказалась воевать и, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, ушла съ фронта, обнаживъ его для противника, который не имѣлъ уже никакихъ препонъ для вторженія въ страну. Впослѣдствіи всю вину за эти прискорбныя событія взвалили на плечи Государственной Думы 4-го созыва; обвиненія эти отчасти получили популярность и были приняты на вѣру, безъ критическаго и внимательнаго отношенія къ правдивости подобныхъ слуховъ. Признаюсь откровенно, я всегда съ болью въ сердцѣ выслушивалъ эти обвиненія, потому что направленіе, въ которомъ работала Государственная Дума въ теченіи десяти лѣтъ, какъ это видно изъ изложенныхъ выше моихъ сообщеній, и существо этой работы по отношенію къ родной отечественной Арміи—вполнѣ противорѣчатъ такому обвиненію.

Для Государственной Думы, какъ вы видѣли изъ вышеизложеннаго мною, не было болѣе священной обязанностью, какъ помогать возрожденію Арміи въ той или другой формѣ. И законодательное учрежденіе положило много силъ и энергіи для увеличенія боеспособности нашихъ войскъ и улучшенія быта ея чиновъ.

Да, это тяжелое и незаслуженное обвиненіе. Поэтому надлежитъ обратиться къ фактамъ, которые въ достаточной мѣрѣ могутъ освѣтить создавшееся положеніе.

Съ самаго начала войны порядокъ укомплектованія войскъ на фронтѣ былъ установленъ слѣдующій: внутри Имперіи были созданы, такъ-называемые, запасные баталіоны, время-отъ-времени, по мѣрѣ надобности, посылавшіе различнаго вида пополненія на фронтъ, въ составѣ маршевыхъ ротъ. Эти запасные баталіоны, достигавшіе иногда небывалой цифры отъ 12 до 19 тысячъ человѣкъ въ каждомъ, были очень недостаточно оборудованы надежными инструкторами: кадровое офицерство почему-то задерживалось на фронтѣ и лучшіе опытные бойцы оставались тамъ, въ Дѣйствующей Арміи, въ пылу огня.

Между тѣмъ, частыми усиленными наборами призывался подъ знамена въ запасные батальоны далеко необученный и совершенно сырой матеріалъ, который еще требовалъ тщательной и внимательной обработки, а сверхъ того требовалась разумная пропаганда въ цѣляхъ внушенія призваннымъ смысла и значенія войны, а также и объема долга и обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ для призываемыхъ на службу.

Ничего этого не было. Запасные батальоны или поручались совершенно неопытнымъ офицерамъ, или лицамъ, далеко незнакомымъ съ порядкомъ обученія войскъ, или даже такимъ, которые стремились избѣжать службы на фронтѣ, и, такимъ образомъ, не представляли изъ себя надлежащій примѣръ боевыхъ опыта, доблести и знанія современныхъ условій войны.

Правда, что при недостаткѣ, который чувствовался въ офицерскомъ составѣ, задача эта была не изъ легкихъ, но при разумной организаціи дѣла, путемъ отсылки быстро производимыхъ офицеровъ на фронтъ для замѣны ими кадровыхъ офицеровъ и обратнаго откомандированія кадровыхъ офицеровъ для обученія запасныхъ войсковыхъ частей—задача могла быть болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена.

Такимъ образомъ, вышеупомянутые запасные батальоны, о роли которыхъ въ переворотѣ я буду говорить впослѣдствіи, были, если можно такъ выразиться, предоставлены самимъ себѣ безъ надлежащаго надзора, безъ надлежащей инспекціи, были плохо обставлены въ матеріальномъ отношеніи, нуждались въ обмундировкѣ, продовольствіи и даже оружіи. Тамъ, въ самыхъ нѣдрахъ этихъ запасныхъ батальоновъ, будущихъ бойцовъ на фронтѣ, возникло глухое броженіе и недовольство на почвѣ разныхъ недочетовъ, и тамъ же къ тому же работала во всю германская и революціонная пропаганда.

Наборы и пополненія этихъ запасныхъ батальоновъ производились безъ достаточно продуманной системы, безъ должнаго вниманія къ сохраненію рабочихъ силъ на мѣстахъ, которыя были необходимы для успѣшной работы въ тылу. И если принять въ соображеніе хроническій недостатокъ винтовокъ, то нужно признать, что запасные батальоны представляли изъ себя зачастую просто орды людей недисциплинированныхъ и мало-по-малу развращаемыхъ искусными агитаторами германскаго производства.

Самая система призыва населенія, оставшагося дома, къ исполненію воинской повинности, какъ я уже говорилъ, не имѣла никакого плана и, не считаясь съ хозяйственными условіями тыла, зачастую возбуждала этимъ вредное для дѣла недовольство населенія. Такъ, напримѣръ, призывъ подъ знамена въ 1916 г. былъ объявленъ въ концѣ іюня мѣсяца въ самый разгаръ уборки хлѣ-

бовъ, и только по настойчивому ходатайству Председателя Государственной Думы передъ Верховной властью былъ перенесенъ на осенніе мѣсяцы. Но тѣмъ не менѣе наборъ былъ объявленъ, смущеніе среди населенія, работавшаго на поляхъ, было внесено. Конечно, такая мѣра отозвалась, съ одной стороны, гибельно на успѣхахъ полевыхъ работъ, а съ другой—подорвало довѣріе къ власти, не считающейся съ насущнѣйшими надобностями экономическаго быта страны.

Я не хочу порочить нашу доблестную Армію, а тѣмъ болѣе доблестнѣйшее офицерство, **которое кровью своею стяжало себѣ неувядаемую, безсмертную, всемірную славу,** но справедливость требуетъ указать, что симптомы разложенія Арміи были замѣтны и чувствовались уже на второй годъ войны. Такъ, напримѣръ, въ періодъ 1915 и 1916 г.г. въ плѣну у непріятеля было уже около 2 милліоновъ солдатъ, а дезертировъ съ фронта насчитывалось къ тому же времени около полутора милліона человѣкъ. Значитъ, отсутствовало около 4-хъ милліоновъ боеспособныхъ людей, и цифры эти краснорѣчиво указываютъ на извѣстную степень деморализаціи Арміи.

По подсчету, сдѣланному однимъ изъ членовъ Государственной Думы, получилось такого рода соотношеніе: число убитыхъ изъ состава солдатъ выразится 15%, но по отношенію къ офицерству этотъ процентъ выразится цифрой 30%, а раненыхъ еще больше.

Такимъ образомъ, по соотношенію состава офицеровъ и солдатъ—убитыхъ офицеровъ во время войны было въ два раза больше.

Процентное отношеніе плѣнныхъ ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20%, между тѣмъ какъ по отношенію къ офицерамъ это обозначеніе должно быть только 3%, дезертировъ офицеровъ не было вовсе.

Въ полевыхъ бояхъ убыль здоровыхъ солдатъ и раненыхъ въ палецъ была очень значительна. Какъ на примѣръ, приведу фактъ, который далеко не единственный: въ одномъ изъ полковъ въ битвѣ подъ Гельчевымъ, 26 августа 1914 г., послѣ боя оказалось на лицо только 1500 человѣкъ изъ трехъ съ половиной тысячъ, но черезъ три дня къ кухнямъ собралось еще вполнѣ здоровыхъ 1500 человѣкъ.

Та же картина произошла послѣ боя въ одномъ изъ полковъ подъ Краковомъ.

Утверждаю, что эти случаи не единственные, но взяты мною, какъ точно провѣренные, которые можно доказать документально.

Пополненія, посылаемыя изъ запасныхъ батальоновъ, приходили на фронтъ съ утечкой въ 25% въ среднемъ, и, къ сожалѣнію, было много случаевъ, когда эшелоны, слѣдующіе въ поѣздахъ, останавливались въ виду полнаго отсутствія состава эшелона, за исключеніемъ начальника его, прапорщиковъ и другихъ офицеровъ.

Здѣсь не мѣсто глубоко анализировать причины этихъ прискорбныхъ и мрачныхъ обстоятельствъ, но мнѣ необходимо было освѣтить истинное положеніе и настроеніе Арміи для того, чтобы, когда я буду говорить о полномъ разложеніи, послѣдовавшемъ послѣ переворота, которое инкриминируется всецѣло Государственной Думѣ, имѣть возможность сослаться на то, что предшествовавшія событія вовсе не служили доказательствомъ полной скованности и строгой дисциплины въ Арміи. Кромѣ этого, я съ большимъ огорченіемъ долженъ констатировать, что далеко не всегда распоряженія высшаго командна-го

состава были на высотѣ своего положенія. Такъ, напримѣръ, было съ блестяще подготовленной, блестяще начатой и имѣвшей въ началѣ успѣхъ операціей прорыва на Стоходѣ. Когда, подъ командованіемъ генерала Брусилова, совершенъ былъ глубокій прорывъ, и наши войска въ началѣ имѣли крупный успѣхъ, этой операціей не было достигнуто поставленныхъ цѣлей и, главнымъ образомъ, потому, что распоряженія командкаго состава не всегда обезпечивали успѣшныя военныя дѣйствія доблестныхъ нашихъ частей.

Я былъ на мѣстѣ во время этихъ боевъ и знаю, что въ силу недостаточной артиллерійской подготовки и невыполненныхъ своевременно другихъ условій—я говорю это со словъ спеціалистовъ и участниковъ боевъ,—напримѣръ, Гвардейскій корпусъ, пополненный блестяще за время своего отдыха въ тылу, потерялъ до 60% своего состава вслѣдствіе неумѣлаго командованія, полнаго отсутствія воздушной развѣдки (на весь Гвардейскій корпусъ было, кажется, только четыре аэроплана) и другихъ неудачныхъ причинъ.

Я не позволю себѣ винить отдѣльныхъ лицъ. **Вся Армія отъ генерала до солдата безтрепетно сражалась, исполняла честно свой долгъ и безстрашно умирала во славу Родины.** Но несовершенство организаціи и неправильная система назначеній командкаго состава сыграла свою пагубную роль.

И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивиться доблести и беззавѣтной отвагѣ, съ которой эти молодыя войска шли въ бой и ложились цѣлыми ротами подъ губительнымъ огнемъ противника.

Мнѣ помнится такой разговоръ въ одномъ изъ лазаретовъ Краснаго Креста, который мнѣ приходилось ревизовать. Въ немъ, въ палатѣ, находилось около 60 тяжело раненыхъ. Въ этой палатѣ была молодежь, цвѣтущая, крѣпкая и сильная. Раненія были чрезвычайно тяжелы и, тѣмъ не менѣе, настроеніе было превосходное, бодрое и жизнерадостное. Одинъ изъ раненыхъ, старшій унтеръ-офицеръ того же полка, кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго, участникъ Японской кампаніи, полный Георгіевскій кавалеръ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Господинъ Предсѣдатель, внушите этой молодежи, что такъ сражаться, какъ они сражаются, нельзя. Я опытный вояка, продѣлалъ Японскую кампанію, не выходилъ изъ строя за все время этой войны,—эта молодежь просто сумасшедшая, они безъ разбору лѣзутъ въ самый огонь безъ надобности, при малѣйшемъ приказѣ идти въ атаку идутъ на непріятельскія проволочныя загражденія безъ оглядки и безъ разума и гибнутъ совершенно напрасно и зря". На это молодые солдаты съ насмѣшкой отвѣчали: „Ты старый, а мы молодые и смѣлые".

Вотъ какой матеріалъ находился въ рукахъ командкаго состава. И какъ это ни странно сказать, но броженіе въ Арміи въ этотъ періодъ 1916 г. начался, именно, съ побѣдныхъ боевъ, т. к., въ концѣ концовъ, составилось убѣжденіе, что всѣ нечеловѣческія усилія воиновъ и принесенныя ими жертвы оказались, въ сущности, безрезультатны и безплодны, ввиду неумѣлыхъ и неудачныхъ распоряженій, которыя критиковались на всѣ лады.

Кампанія могла и должна быть окончена тогда же полной побѣдой, именно тогда, въ этотъ періодъ начинавшагося наилучшаго снабженія Арміи людскими пополненіями и предметами боевого снабженія: почетный и славный миръ могъ быть купленъ цѣною этихъ жертвъ и этого послѣдняго напряженія народной энергіи, а между тѣмъ этого-то достигнуто и не было.

Воздушная развѣдка была плохо поставлена.

Какъ я уже упоминалъ раньше, на весь Гвардейскій корпусъ приходилось только 4 аэроплана. По докладу моему въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ былъ рѣзко поставленъ вопросъ о несовершенствѣ военной авіаціи, и была учреждена особая авіаціонная комиссія. Коренная реформа организаціи авіаціоннаго дѣла была рѣшена, но достигнуто это рѣшеніе было только въ 1916 г. А между тѣмъ, въ бояхъ на Стоходѣ цѣлыя эскадрильи непріятельскихъ аэроплановъ появлялись надъ нашими резервами и снижались чуть не на 500 метровъ, безнаказанно разстрѣливая изъ пулеметовъ.

Броженіе въ Арміи началось на почвѣ недовольства высшимъ командным составомъ. Это вызвано было перечисленными выше причинами, а также, несомнѣнно, было результатомъ многолѣтней упорной агитаціи въ войскахъ. Впослѣдствіи недовольство это перенеслось на доблестное, ни въ чемъ не повинное младшее офицерство и своимъ послѣдствіемъ имѣло ужасное пролитіе дорогой намъ офицерской крови, свидѣтелями чего мы всѣ были съ содроганіемъ и отвращеніемъ при полномъ разложеніи Арміи, послѣ февральскаго переворота.

Незадолго до переворота прибыла въ Петроградъ группа офицеровъ съ генераломъ Крымовымъ во главѣ. Между прочимъ, генералъ Крымовъ заявилъ мнѣ: „Такъ дальше идти нельзя. Благодаря полному отсутствію связи въ распоряженіяхъ и строго продуманнаго плана, назначенію на высшіе посты въ Арміи безъ разбора, наши блестящіе успѣхи сводятся на нѣтъ, и въ Арміи въ ея солдатскомъ составѣ растетъ недовольство и недовѣріе къ офицерству вообще и начальству въ частности и, такимъ образомъ, Армія постепенно разлагается и дисциплинѣ грозитъ полный упадокъ. Легко можетъ быть, что при такихъ условіяхъ солдаты откажутся идти впередъ и, что всего ужаснѣе, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, съ которой никто не борется и которой не умѣютъ положить предѣлъ, Армія въ теченіе зимы можетъ просто покинуть окопы и поле сраженія. Таково грозное, все растущее настроеніе въ полкахъ".

Генералъ Крымовъ, нынѣ покойный, покончилъ самъ съ собой во время прискорбныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1917 г. Я не посмѣлъ бы приписать ему то, что онъ не говорилъ, да и тѣ офицеры, которые сообщали все это, живы еще, и я смѣло могу сослаться на нихъ, и они удостовѣрятъ, что именно такое настроеніе и броженіе въ Арміи было.

Изъ этого, господа, вы изволите усмотрѣть, что почва для окончательнаго разложенія Арміи имѣлась на-лицо еще задолго до переворота, когда о немъ еще не говорили громко и когда никто и не думалъ въ правящихъ сферахъ, что революція такъ близка и такъ быстро наступитъ въ столь ближайшемъ будущемъ.

Таковы, господа, были событія, предшествовавшія перевороту. Позволю себѣ причины переворота, обусловливавшія его и его вызвавшія, разбить на три категоріи: къ первой и самой главной категоріи я отношу чрезмѣрное усиленіе вліянія темныхъ безотвѣтственныхъ силъ, окружавшихъ и завладѣвшихъ волею и мыслью Верховной власти.

Безотвѣтственныя силы и германскій штабъ.

Вліяніе Распутина и всего кружка, окружавшаго Императрицу Александру Ѳеодоровну, а черезъ нее—на всю политику Верховной власти и Правительство, возросло до небывалыхъ предѣловъ.

Я не обинуясь утверждаю, что кружокъ этотъ, несомнѣнно, находился подъ воздѣйствіемъ нашего врага и служитъ интересамъ Германіи. Иначе нельзя себѣ объяснить безпричиннаго удаленія дѣйствительно полезныхъ государственныхъ дѣятелей, которые въ 1915 году, послѣ погрома въ Галиціи, были призваны къ власти въ силу требованія общественнаго элемента, и которые, при извѣстномъ разумномъ направленіи своей дѣятельности, въ полномъ согласіи съ общественными силами страны могли бы, несомнѣнно, довести страну до побѣды. Стоило появиться на высшемъ государственномъ посту талантливому и честному дѣятелю, какъ сейчасъ же изъ Распутинскихъ сферъ начиналось на него гоненіе, и онъ бывалъ удаляемъ со стремительной быстротой и безъ объясненія причинъ. А если такое лицо имѣло несчастье сдѣлаться популярнымъ въ общественныхъ кругахъ, то участь его была заранѣе предрѣшена. Въ тяжелые дни народной войны залогъ ея успѣха, конечно, заключался въ стройной организаціи всѣхъ факторовъ, обслуживающихъ потребности борьбы съ врагомъ. Для врага не менѣе боеспособной арміи была опасна правильная организація тыла, общее воодушевленіе и вѣра народа въ своихъ вождей. А между тѣмъ мы всѣ видѣли, что все это послѣдовательно разрушалось. Чьей то невидимой рукой упорно, всѣми возможными способами, вносилось въ народъ взаимное раздраженіе и недовѣріе, и всѣ попытки соединить правящіе круги съ обществомъ терпѣли неизбѣжную неудачу. Кому же это было на руку? Только Германіи. Кто руководилъ такой преступной политикой? Распутинскій кружокъ. Связь и аналогія стремленій настолько логически очевидна, что сомнѣній во взаимодѣйствіи германскаго штаба и Распутинскаго кружка для меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ: это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Германскій Императоръ предпринималъ и другіе шаги, чтобы привлечь на свою сторону видныхъ общественныхъ дѣятелей. Онъ подсылалъ къ нимъ разныхъ предателей Россіи изъ плѣнныхъ и оставшихся добровольно въ Германіи русскихъ, въ цѣляхъ убѣдить заключить сепаратный миръ. И я подвергся такому нападенію, но послѣ принятыхъ мною сразу крутыхъ мѣръ эти попытки больше не повторялись.

Это трагическое явленіе, выросшее на почвѣ печальной русской дѣйствительности, сложное, темное и недостаточно изученное—въ результатѣ оказалось гибельнымъ для Православной церкви и для царствующей династіи, а главнымъ образомъ для государства, потому что оно растлило народную душу и народныя вѣрованія.

Подробныя обстоятельства этой категоріи причинъ настолько мрачны и такъ гибельно отозвались на всѣхъ сторонахъ государственной жизни, что имъ, для полнаго освѣщенія, необходимо было бы посвятить отдѣльную монографію, основанную на дѣйствительныхъ фактахъ, т. к. въ общихъ чертахъ охарактеризовать это явленіе является крайне труднымъ, не ссылаясь на рядъ подробностей и мелкихъ, но важныхъ фактовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на всѣ тормазы этой категоріи причинъ, жизненность производительныхъ силъ страны и ея творческихъ силъ подтверждаются тѣми фактами, которые я изложилъ въ первой части своего сообщенія.

Сумѣли же общественныя организаціи, въ видѣ земскаго и городского союзовъ, поставить на должную высоту санитарную часть арміи, сумѣли же общественные элементы, призванные для этого, хотя и поздно, но снабдить Армію нашу снарядами и предметами боевого и иного снаряженія. Несмотря на ка-

жущуюся разруху и общее недовольствіе, они все-же исполнили данную имъ задачу. Не есть ли это блестящее доказательство того, что огромный запасъ государственной энергіи, которая таится въ русскомъ народѣ, проявляется блестяще тамъ, гдѣ ему оказываютъ должное довѣріе и гдѣ въ достаточной степени его организуютъ и пользуются плодами его богатаго творчества.

Вотъ гдѣ лежали роковыя причины тѣхъ ужасовъ, которые мы переживаемъ, какъ послѣдствіе неразумной политики. Это есть та историческая ошибка, о которой, повторяю еще разъ, говорилъ когда то министръ Наполеона I, Талейранъ, что это уже не ошибка, а преступленіе.

Вторая категорія причинъ, обусловившихъ наше государственное крушеніе, заключается въ томъ, что неумѣлыя и несогласованныя распоряженія власти привели къ окончательной разрухѣ экономическихъ условій жизни населенія, оставшагося въ тылу, главнымъ образомъ, разстроился транспортъ, за симъ финансы, обнажилась общая безхозяйственность, отсутствіе достаточной заботливости о плѣнныхъ и раненыхъ, выходящихъ изъ лазаретовъ, не создана была организація борьбы съ возрастающей спекуляціей, которая сама по себѣ есть явленіе отрицательное и которая вызвала небывалое вздорожаніе предметовъ первой необходимости.

Всѣ эти явленія, вызывавшія жгучее негодованіе, одновременно подтачивали довѣріе страны къ государственной власти не умѣющей наладить государственную жизнь, и лишали увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и въ побѣдномъ исходѣ кампаніи.

Къ этой категоріи причинъ нужно прибавить необыкновенно интенсивную нѣмецкую агитацію, ведущуюся на нѣмецкое золото, которой не было противопоставлено разумно организованной пропаганды на русскія деньги, въ цѣляхъ парализованія того губительнаго вліянія, которое этой агитаціей оказывалось въ ущербъ развитію и поднятію въ высшей мѣрѣ патріотическаго чувства.

Я утверждаю, что при комплекціи этихъ причинъ, если бы и не было революціи, война все равно была бы проиграна и былъ бы по всей вѣроятности заключенъ сепаратный миръ, быть можетъ не въ Брестъ-Литовскѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но, вѣроятно, еще болѣе позорный, ибо результатомъ его являлось бы экономическое владычество Германіи надъ Россіей.

Наконецъ, къ третьей категоріи причинъ, вызвавшихъ легкость, съ которой совершился переворотъ, я отношу начавшееся разложеніе Арміи, о которомъ я только что говорилъ.

Послѣднія попытки.

При такомъ положеніи настроенія Государства во всѣхъ его слояхъ, Государственная Дума увидѣла для себя необходимость выйти изъ пассивнаго положенія, ею занятаго, исчерпавъ всѣ средства воздѣйствія въ дѣлѣ поворота государственной политики правительства на разумный путь.

Передъ открытіемъ сессіи осенью 1916 г. Предсѣдатель Государственной Думы собралъ совѣщаніе изъ представителей партій, входящихъ въ составъ прогрессивнаго блока, и, изложивъ имъ въ подробностяхъ создавшееся грозное положеніе вещей и близость неминуемаго общаго взрыва, предложилъ попы-

таться еще разъ предотвратить его, что, конечно, составляло, во время кровопролитнѣйшей войны, священную обязанность Государственной Думы. Доложивъ собравшимся въ подробностяхъ всѣ доклады, сдѣланные мною Императору Николаю II, я просилъ членовъ Думы придти мнѣ на помощь. Мнѣ было ясно, что моихъ предупрежденій недостаточно, и я указывалъ на необходимость испросить коллективный докладъ у Верховной власти, въ составѣ собравшихся представителей партій, въ присутствіи которыхъ я бы вновь повторилъ всѣ свои доводы и указанія на необходимость уступокъ, а присутствующіе члены Думы поддержали бы при этомъ мои слова своими рѣчами. Несомнѣнно, что это было бы внушительнымъ и авторитетнымъ актомъ и усилило бы авторитетъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому воспротивились представители кадетской партіи въ лицѣ ея лидера, члена Думы Милюкова, который находилъ, что такое дѣйствіе было бы актомъ неконституціоннымъ, и увлеченіе формой, въ ущербъ существу дѣла, одержало верхъ. А между тѣмъ всѣмъ было ясно, что революція во время войны приведетъ неизбѣжно сперва къ разложенію Арміи, а потомъ и Государства. Представители кадетской партіи считали, что надлежитъ все высказать публично съ думской трибуны и, выждавъ результаты такого шага, предпринять иныя мѣры.

Въ виду полнаго разногласія въ данномъ вопросѣ, предложеніе мое осталось открытымъ вопросомъ, и коллективный докладъ Императору не состоялся. Мнѣ уже впослѣдствіи стало извѣстно, что группа членовъ Думы, націоналистовъ, добилась частной аудіенціи у Государя Императора, докладывала ему, въ свою очередь, о тревожномъ положеніи страны, но успѣха не имѣла.

Памятуя о своемъ долгѣ избранниковъ народа, несущихъ отвѣтственность передъ нимъ за свои дѣйствія, Государственная Дума рѣшила громко высказать правду передъ страной. Мы были правы въ своемъ рѣшеніи, мы должны были предпринять этотъ шагъ, ибо ваше проклятіе, а, главнымъ образомъ, проклятіе гражданъ, еще не родившихся, впослѣдствіи легло бы тяжкимъ камнемъ на нашу совѣсть и на нашу память. Отвѣтственность за окончательную гибель Россіи мы должны были бы раздѣлить съ Правительствомъ въ такомъ случаѣ, и Государственная Дума поэтому рѣшилась высказать свое слово искренне и правдиво.

Предварительно состоялся докладъ объ истинномъ положеніи дѣлъ Государю Императору Николаю II, но предостереженія этого оказалось недостаточнымъ, чтобы перемѣнить курсъ политики Правительства.

И въ историческомъ засѣданіи 1-го ноября 1916 года все было гласно и громко сказано. Какъ бы ни относиться къ рѣчамъ, произнесеннымъ тогда съ каѳедры Государственной Думы, вы увидите въ нихъ только боль за судьбу Россіи, дорогого нашего отечества; вы не увидите тамъ желанія сверженія власти, желанія переворота и стремленія къ тѣмъ ужасамъ, которые являются конечнымъ результатомъ всякой революціи, вы увидите лишь сердечную боль и печалованіе о судьбахъ Россіи, могучей, и еще сильной, но неумѣло управляемой на стезю побѣды. Прочтите наши стенографическіе отчеты, и вы увидите, что я правъ.

Мало-по-малу въ концѣ 1916 г. волненія среди низшихъ слоевъ населенія, наиболѣе обездоленнаго войной и всевозможными ненужными лишеніями, дороговизна, отсутствіе предметовъ первой необходимости и предметовъ питанія—дошли до своего апогея. А къ этому прибавилась еще жестокая политика Мини-

стра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, который стремился разогнать Государственную Думу, который направлялъ свои стрѣлы и громы на все мыслящее въ Россіи, который производилъ давленіе на Земскій и Городской союзы.

Все, даже Дворянскія Общества, тоже громко заявившія, что такъ дальше идти нельзя, было взято подъ подозрѣніе.

Протопоповъ громко проповѣдывалъ, что роспускъ Думы есть единственное средство для умиротворенія страны.

Не ужасъ ли долженъ былъ обуять при видѣ происходившей вакханаліи, которая начала разыгрываться.

Можно ли было оставаться безучастнымъ зрителемъ при видѣ разрушенія Государства.

Я позволю себѣ процитировать рѣчь одного изъ крайнихъ правыхъ депутатовъ, небезызвѣстнаго Пуришкевича, который въ одномъ изъ засѣданіи Думы, говоря о Протопоповѣ, сказалъ нижеслѣдующее: „Онъ хочетъ разгона Думы, о чемъ мы читали неоднократно. Онъ, несомнѣнно, этого добивается, ибо онъ не смѣетъ появиться среди своихъ бывшихъ товарищей, и вопросы государственнаго спокойствія приноситъ въ жертву личнымъ счетамъ уязвленнаго самолюбія. Наряду съ этими карами и бичами, которые раздаются направо и налѣво всѣмъ неугоднымъ, мы видимъ пріемы такой демагогіи, которой могъ бы позавидовать самый большой революціонеръ. Дѣлаются посулы крестьянамъ о надѣленіи ихъ землей,—я не знаю—за счетъ-ли нѣмцевъ или дворянъ; дѣлаются посулы евреямъ не только расширенія черты осѣдлости, но и полнаго равноправія; дѣлаются посулы будущему составу Законодательныхъ Палатъ путемъ увеличенія въ три раза окладовъ. Словомъ, куда ни обернешься, гдѣ можно искать, онъ беретъ искательствомъ, гдѣ чувствуетъ, что искательство не поможетъ, туда идетъ съ бичемъ"...

Вотъ каково положеніе. При такихъ условіяхъ Дума едва-ли въ состояніи не потерять должнаго равновѣсія, едва-ли въ состояніи работать такъ, какъ хотѣла, какъ можетъ и должна была бы, если бы въ каждомъ шагѣ главныхъ руководителей внутренней жизни страны не видѣла скрытаго или явнаго врага.

„Я сознаю,—заканчиваетъ Пуришкевичъ,—безцѣльность всякихъ рѣчей въ Думѣ, ибо между высшимъ священнымъ источникомъ власти и народомъ въ эти тяжелые, историческіе дни,—страшно даже подумать,—стоитъ стѣна... живущихъ только благополучіемъ сегодняшняго дня лицъ, которымъ нѣтъ дѣла до Россіи и до ея, можетъ быть, кроваваго болѣе, чѣмъ сейчасъ, будущаго, которое ей уготовлено. Я сознаю безцѣльность всякихъ рѣчей и признаю безсодержательность въ данный моментъ работы Думы. Никакая работа и никакія рѣчи ничему не помогутъ. Я увѣренъ, что удержу не будетъ и что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ дойдетъ до такихъ предѣловъ, которые никому не снились. Для борьбы со всей Россіей Протопоповымъ будутъ пущены всѣ средства, какія только можно себѣ вообразить. Какое ему, въ сущности, дѣло до Россіи.

Россія стоитъ сейчасъ, какъ древній Гераклъ въ хитонѣ, пропитанномъ ядомъ крови кентавра. Онъ ждетъ ее. Она мечется въ мукахъ своего безсилія. Она взываетъ о томъ, чтобы правда русская дошла туда, гдѣ она должна быть понята, оцѣнена и услышана. Разсвѣта еще нѣтъ, но онъ не за горами, и настанетъ день, я чую, какъ солнце правды взойдетъ надъ обновленной Родиной въ часъ побѣды, но этого разсвѣта еще нѣтъ. Онъ потребуетъ, можетъ бытъ,

новыхъ жертвъ лучшихъ сыновъ русскаго народа Подождемъ, дадимъ имъ эти жертвы въ твердой увѣренности, что, въ концѣ концовъ, возсіяетъ русская правда, и тотъ, кто долженъ услышать и почуять, почуетъ ее, кто въ эти тяжелые годы испытаній, ниспосланныхъ Россіи, стоитъ у престола, какъ вѣрный Кочубей".

Тотъ же правый депутатъ Пуришкевичъ, обрисовывая весь ужасъ и мракъ Распутинскаго вліянія, закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ присутствующимъ министрамъ, такими приблизительно словами: „Вы должны немедленно всѣ ѣхать въ ставку, броситься къ ногамъ Государя Императора и умолять его повѣрить всему ужасу Распутинскаго вліянія и тяжелымъ и опаснымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей и измѣнить курсъ своей политики".

Мнѣ кажется, что эта рѣчь, яркая и образная, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того настроенія, которое обуяло всѣхъ гражданъ Россійскаго Государства въ этотъ ужасающій по своему трагизму часъ.

Итакъ, рѣшеніе свое сказать правду, Государственная Дума привела въ исполненіе въ историческихъ ноябрьскихъ засѣданіяхъ 1916 г., а засимъ въ засѣданіяхъ 14 февраля 1917 г.

Передъ роспускомъ Думы.

Но тогда же Предсѣдатель Совѣта Министровъ, въ одной изъ бесѣдъ съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, показалъ ему находящіеся въ его распоряженіи три указа, подписанные Императоромъ Николаемъ II, безъ обозначенія, однако, даты ихъ обнародованія. Первый указъ былъ о полномъ роспускѣ Думы и назначеніи новыхъ выборовъ, второй указъ—о роспускѣ Государственной Думы до окончанія войны, и третій указъ—о роспускѣ Государственной Думы на неопредѣленное время. Каждымъ изъ этихъ указовъ Государственная Дума лишалась возможности доводить всю истинную правду до Верховной власти.

Такимъ образомъ, уничтожался послѣдній оплотъ источника правды и точнаго освѣщенія состоянія умовъ Государства.

Видя такое положеніе вещей и отлично понимая, что въ случаѣ роспуска Госуд. Думы вся страна будетъ отдана въ руки Протопопова, Распутина и компаніи, что протеста ни отъ кого уже послѣдовать не можетъ, что дѣло идетъ, несомнѣнно, къ сепаратному миру и позору Россіи, я оказался вынужденнымъ искать ту организацію общественнаго характера, которую упразднить и заставить молчать невозможно по самому существу дѣла. Я остановился на дворянскихъ собраніяхъ и вызвалъ телеграммами въ Петроградъ изъ Москвы Губ. Предводителя Дворянства Базилевскаго и Предсѣдателя Съѣзда Объедин. Двор. Самарина, его Товарища князя Куракина и В. П. Карпова и Петроград. Губерн. Предводителя Сомова. Разъяснивъ имъ положеніе вещей и возможность моего ареста и высылки, я просилъ въ этомъ случаѣ ихъ стать на стражѣ интересовъ Родины и взять на себя долгъ бороться съ тѣми оскорбленіями, которыя, несомнѣнно, выпадутъ на долю Родины.

Представители дворянства вполнѣ раздѣлили мою точку зрѣнія и поняли мои опасенія. Они признали, что необходимо создать такое ядро людей незави-

симыхъ, которое, въ случаѣ разгона Думы, должно стать на стражѣ интересовъ и достоинства Россіи.

Они признали, что дворянство, которое нельзя ни упразднить, ни разогнать, обязано, въ случаѣ роспуска Думы, встать во главѣ движенія для блага Родины и борьбы съ предателями ея. Въ силу такого рѣшенія А. Д. Самаринъ испросилъ аудіенцію у Императора и еще разъ долженъ былъ попытаться изложить всю правду о наростающихъ событіяхъ, и было рѣшено на 19 января созвать съѣздъ объединеннаго дворянства для вторичнаго обсужденія создавшагося положенія вещей. Кромѣ этого, изъ Москвы ко мнѣ прибыли отъ Земскаго Союза князь Львовъ, М. В. Челноковъ отъ союза городовъ, А. Ив. Коноваловъ отъ съѣзда промышленниковъ и фабрикантовъ, какъ представители союзовъ. Положеніе, по ихъ мнѣнію, было таково, что надо признать, что катастрофа уже наступила и для спасенія Отечества отъ гибели нужны экстраординарныя мѣры. Они требовали, чтобы я пріѣхалъ въ Москву на ихъ общій съѣздъ и сталъ во главѣ движенія въ томъ смыслѣ, чтобы еще разъ гласно выразить желаніе о спасеніи страны. По ихъ мнѣнію, надо было ясно и твердо сказать свое правдивое слово, не страшась отвѣтственности и репрессій. Но въ виду открытія Государственной Думы 14 февраля я не счелъ возможнымъ исполнить ихъ желанія.

Очевидно, что все было исчерпано, но всѣ мѣры, принимаемыя Государственной Думой для дружнаго взаимодѣйствія съ Правительствомъ въ интересахъ Государства, оказались напрасными.

А между тѣмъ продовольственный вопросъ въ столицѣ принималъ все болѣе и болѣе острыя формы: подвозъ продуктовъ сокращался до минимума и злонамѣренные люди, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, всячески настраивали всѣ слои населенія Петрограда во враждебномъ отношеніи къ Правительству и вели сознательно къ возникновенію самаго ужаснаго бунта—бунта голоднаго. Между тѣмъ Государственная Дума хорошо помнила и понимала извѣстную всѣмъ поговорку, что нельзя перепрягать лошадей, когда переѣзжаешь рѣку вбродъ.

Какъ вы видите, господа, всѣ старанія Государственной Думы не возбуждать, а успокаивать населеніе, были безплодны, и вывести застрявшій возъ на сухое прочное мѣсто—оказалось задачей не по силамъ.

Между тѣмъ, упорные слухи о роспускѣ Государственной Думы только подливали масло въ огонь.

Рабочіе многочисленныхъ заводовъ Петрограда рѣшили было произвести демонстрацію въ защиту Государственной Думы, а Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго того времени, генералъ Гурко, прямо заявилъ, что я долженъ испытать всѣ средства для того, чтобы предотвратить Императора Николая II отъ роспуска Государственной Думы, такъ какъ если Государственная Дума будетъ распущена, то легко возможенъ отказъ Арміи сражаться.

Историческіе дни.

Волненія начались на почвѣ отсутствія продовольствія. Но это было предлогомъ, а объ истинныхъ причинахъ все возрастающаго народнаго негодованія я уже вамъ достаточно говорилъ.

По имѣвшимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, волненія, возникшія въ столицѣ, стали быстро передаваться въ другіе города.

Въ томъ, что въ этотъ моментъ Государственная Дума стояла на правильномъ пути, позвольте вамъ привести, какъ доказательство, постановленіе старѣйшаго Московскаго Губернскаго Собранія, которое имѣется у меня въ подлинникѣ: „Московское Губернское Земское Собраніе чрезвычайной сессіи горячо привѣтствуетъ Государственную Думу въ день ея открытія и взираетъ на предстоящее ей государственное дѣло съ большими ожиданіями. Изъ докладовъ, разсмотрѣнныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, явствуетъ, что хозяйственное состояніе Московской губерніи стало угрожающимъ, что наступаетъ тотъ часъ, когда міровая борьба должна развиться въ послѣднемъ, окончательномъ столкновеніи, когда Россія должна дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и найти себѣ силы нанести окончательный рѣшающій ударъ. Въ этотъ историческій отвѣтственный часъ общество обречено на молчаніе. Московское Губернское Земство, въ полномъ сознаніи невѣроятныхъ трудностей предстоящей работы, встрѣчаетъ создавшееся положеніе твердо со спокойной и неизмѣнной готовностью продолжать свое отвѣтственное дѣло. Московское Губернское Земство вѣритъ въ силы русскаго народа, вѣритъ нашимъ могучимъ доблестнымъ Арміи и Флоту, вѣритъ, что народные представители найдутъ всѣми ожидаемый путь къ взаимному пониманію въ странѣ общественныхъ силъ и власти, въ единеніи которыхъ—единственный залогъ къ тому, чтобы Россія съ достоинствомъ вышла изъ посланныхъ ей судьбой тяжкихъ испытаній".

Рядъ резолюцій разныхъ общественныхъ организацій поступалъ въ огромномъ количествѣ въ распоряженіе Предсѣдателя Государственной Думы, но выбитое изъ русла равновѣсія народное негодованіе удержать было трудно.

Уже 25 февраля 1917 года волненія въ столицѣ дошли до своего апогея. Утромъ мнѣ дали знать, что часть заводовъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ, забастовала, и толпы рабочихъ двинулись по направленію къ центру столицы.

Я объѣхалъ эти части и убѣдился въ томъ, что работы дѣйствительно прекращены, что возмущеніе народа, преимущественно въ лицѣ рабочихъ женскаго пола, дошло до крайней степени и что, дѣйствительно, толпы рабочихъ приближаются къ центру столицы, въ какихъ цѣляхъ—мнѣ еще неизвѣстно.

Волненіе уже охватило зарѣчную часть города. Возвращаясь назадъ черезъ Литейный мостъ, я увидѣлъ, что набережныя, какъ Французская, такъ и остальныя, уже заняты отрядами войскъ, и тогда въ моей головѣ созрѣлъ планъ немедленно добиться созыва Совѣта Министровъ и настоять передъ ними, чтобы въ этомъ засѣданіи были представители Законодательной Палаты, Земскаго и Городского Самоуправленія, дабы совмѣстными усиліями выработать тѣ мѣры, которыя могли бы, хотя и временно, успокоить взволнованное населеніе столицы.

Въ этихъ цѣляхъ я посѣтилъ Министра Земледѣлія Риттиха, взялъ его съ собой и поѣхалъ къ Генералу Бѣляеву, бывшему тогда Военному Министру. Изобразивъ ему положеніе дѣлъ, я указалъ, что это не простое волненіе, что это начинается настоящая революція, и что надлежащія энергичныя мѣры должны быть приняты безотлагательно. Я убѣдилъ Военнаго Министра своими доводами, и онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ — князю Голицыну, откуда по телефону далъ мнѣ знать, что желаемое мною со-

вѣщаніе будетъ въ этотъ же день, 25 числа, собрано въ Маріинскомъ дворцѣ и что мнѣ предоставляется право пригласить всѣхъ лицъ общественныхъ организацій, которыхъ я сочту нужнымъ.

Такимъ образомъ была еще разъ сдѣлана попытка спасти положеніе и принять необходимыя для успокоенія рабочихъ мѣры, въ смыслѣ снабженія продовольствіемъ.

25 февраля я по телефону въ Гатчину далъ знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходившемъ и о томъ, что ему сейчасъ же нужно пріѣхать въ столицу, ввиду наростающихъ событій.

Совѣщаніе о продовольствіи состоялось 25 февраля вечеромъ и постановило, по настоянію представителей отъ общественныхъ организацій, передать дѣло продовольствія въ руки Городского Самоуправленія и Земства по принадлежности. Но, къ сожалѣнію, уже было поздно, ибо волненія приняли слишкомъ широкій, массовый характеръ.

27 февраля Великій Князь Михаилъ Александровичъ прибылъ въ Петроградъ, и мы имѣли съ нимъ совѣщаніе въ составѣ Предсѣдателя Государственной Думы, его Товарища Некрасова, Секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савина. Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣлъ въ столицѣ и было указано, что еще возможно спасти положеніе: онъ долженъ былъ явочнымъ порядкомъ принять на себя диктатуру надъ городомъ Петроградомъ, понудить личный составъ Правительства подать въ отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифестъ Государя Императора о дарованіи отвѣтственнаго министерства.

Нерѣшительность Великаго Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благопріятный моментъ былъ упущенъ.

Вмѣсто того, чтобы принять активныя мѣры и собрать вокругъ себя еще непоколебимый, въ смыслѣ дисциплины, Петроградскій гарнизонъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ повелъ по прямому проводу переговоры съ Императоромъ Николаемъ II, получилъ въ своихъ указаніяхъ полный отказъ, и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи попытка Государственной Думы потерпѣла неудачу.

При этой бесѣдѣ съ Великимъ Княземъ и выше названными Членами Государственной Думы присутствовалъ и Предсѣдатель Совѣта Министровъ Князь Голицынъ. Несмотря на всѣ убѣжденія въ томъ, что ему надлежитъ выйти въ отставку, что это облегчитъ Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, Князь Голицынъ оставался неумолимымъ въ своемъ рѣшеніи, объяснивъ, что въ минуту опасности онъ своей должности не оставитъ, считая это позорнымъ бѣгствомъ, и этимъ только еще больше усложнилъ и запуталъ создавшееся положеніе.

Въ ночь съ 26 на 27-е февраля мною былъ полученъ указъ о роспускѣ Думы, и такимъ образомъ возможности мирнаго улаженія возникающаго конфликта былъ положенъ рѣшительный предѣлъ, и тѣмъ не менѣе Дума подчинилась закону, все же надѣясь найти выходъ изъ запутаннаго положенія, и никакихъ постановленій о томъ, чтобы не расходиться и насильно собираться въ засѣданіи, не дѣлала.

Среди дня 27 февраля произошли первыя безчинства: былъ разгромленъ Окружный Судъ и Главное Артиллерійское Управленіе, а также Арсеналъ, изъ котораго было похищено около 40 тысячъ винтовокъ.

Толпы народа, вооруженныя чѣмъ попало, стали появляться тутъ и тамъ на улицахъ города; вечеромъ того же дня значительныя толпы инсургентовъ запрудили уже собою улицы столицы, кое гдѣ происходили безпорядки, столкновенія между ними и вызванными частями войскъ.

Правительство засѣдало въ Маріинскомъ дворцѣ, но никакого распоряженія, никакого распорядка, никакой попытки къ подавленію въ самомъ корнѣ начинающихся безпорядковъ имъ сдѣлано не было, потому что Правительствомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, овладѣла паника. Насколько велика была паника и растерянность, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: при извѣстіи о движеніи толпы на Маріинскій дворецъ въ немъ были потушены всѣ огни и собрано нѣкоторое количество оставшихся еще вѣрными правительству войскъ для того, чтобы сопротивляться.

Однако, нападеній не было, и, по словамъ одного изъ членовъ Правительства, когда снова зажгли огонь, то онъ, къ своему удивленію, оказался подъ столомъ. Мнѣ кажется, что такой, нѣсколько анекдотичный разсказъ, лучше всего можетъ характеризовать настроеніе Правительства въ смыслѣ полнаго отсутствія руководящей идеи для борьбы съ возникающими безчинствами.

На улицахъ, между прочимъ, начиналась форменная рѣзня, и ночь съ 26-го на 27-е февраля была проведена чрезвычайно тревожно.

27-го февраля Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Князь Голицынъ, увѣдомилъ меня, что онъ подалъ въ отставку, какъ и всѣ члены Правительства.

Такимъ образомъ, создалось такое безвыходное положеніе, передъ которымъ меркли всѣ самыя широкія революціонныя идеи.

При наличіи военныхъ дѣйствій и войны при необходимости самаго строгаго порядка и самаго отвѣтственнаго исполненія Правительствомъ своихъ обязанностей, при наличіи нарождавшейся революціи—въ столицѣ не оказалось центральной власти. Изъ Ставки никакихъ распоряженій отъ Императора Николая II не поступало, и городъ Петроградъ былъ предоставленъ нарождающейся безбрежной анархіи.

Какъ я уже говорилъ, былъ разгромленъ арсеналъ, горѣлъ Окружный Судъ, горѣли и разгромлялись всѣ полицейскіе участки, и отъ власти никакихъ указаній и распоряженій, что дѣлать, не было. Государственной Думѣ ничего не оставалось другого, какъ взять власть въ свои руки и попытаться хотя бы этимъ путемъ обуздать нарождавшуюся анархію и создать такую власть, которую бы послушались всѣ, и которая способна была прекратить нарождающуюся бѣду.

Конечно, можно было бы Государственной Думѣ отказаться отъ возглавленія революціи, но нельзя забывать создавшагося полнаго отсутствія власти и того, что при самоустраненіи Думы сразу наступила бы полная анархія и Отечество погибло бы немедленно.

Дума была бы арестована и перебита въ полномъ составѣ бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиковъ, а между тѣмъ Думу надо было беречь хотя бы какъ фетишъ власти, который все же сыгралъ бы свою роль въ трудную минуту.

Предсѣдатель Государственной Думы еще 26 числа послалъ Государю Императору телеграмму: „Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпо-

рядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца". Но Царь не внялъ предупрежденію главы народнаго представительства. 27 февраля Предсѣдателемъ Государственной Думы была отправлена еще болѣе категорическая телеграмма Государю Императору:

„Положеніе ухудшается. Надо принять немедленныя мѣры, ибо завтра уже будетъ поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба Родины и династіи". Но и на эту телеграмму Предсѣдатель Государственной Думы отвѣта не получилъ. Только 28 февраля генералъ Рузскій увѣдомилъ, что Государь Императоръ, наконецъ, рѣшился даровать странѣ отвѣтственное министерство и поручаетъ Предсѣдателю Государственной Думы сформированіе кабинета.

Этимъ манифестомъ, однако, положеніе запуталось еще болѣе, ибо, пока происходили сомнѣнія и колебанія Императора Николая II, событія шли своимъ чередомъ и разрѣшенія отъ него не ожидали.

Временный Комитетъ Государственной Думы.

Уже 27 февраля былъ образованъ Временный Комитетъ Государственной Думы для сношенія съ населеніемъ и для приведенія расшатанныхъ устоевъ въ нормальное состояніе, который обратился къ населенію со слѣдующимъ воззваніемъ: „Временный Комитетъ Членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго Правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и Армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго Правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ".

Между тѣмъ вышеупомянутый манифестъ возвращалъ все происшедшее въ старое русло, вернуть же вспять бурное революціонное теченіе манифестомъ уже не представлялось возможнымъ.

Съ другой стороны, Предсѣдателю Государственной Думы оставить Государственную Думу безъ главы, принявъ въ свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможнымъ, т. к. Дума была временно распущена и выбирать ему замѣстителя было невозможно.

Отреченіе Николая II.

Вслѣдствіе этого, Предсѣдатель Государственной Думы вынужденъ былъ отклонить предложеніе, переданное ему черезъ генерала Рузскаго, и заявить, что при настоящемъ положеніи дѣлъ единственный исходъ для Императора Николая II—это отречься отъ престола въ пользу сына.

Я утверждаю совершенно категорически, что эта комбинація, внѣ всякаго сомнѣнія, была бы принята, и волненія, по всей вѣроятности, въ значительной

мѣрѣ были бы успокоены. Тѣмъ не менѣе, Императоръ Николай II не повѣрилъ указаніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и запросилъ своего Начальника Штаба и всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами о томъ, каково ихъ мнѣніе по поводу указаній сдѣланныхъ ему Предсѣдателемъ Государственной Думы.

Телеграммы эти имѣлись въ моемъ распоряженіи, и, если не уничтожены въ Петроградѣ, гдѣ онѣ находятся, то, вѣроятно, документально можно будетъ возстановить то послѣдующее, о чемъ я буду говорить.

Отвѣты Командующихъ фронтами и Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго были получены Императоромъ Николаемъ II въ тотъ же день. Всѣ лица, запрошенныя имъ, единогласно отвѣтили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться отъ престола.

Чтобы не быть голословнымъ, помимо моего утвержденія, что эти телеграммы въ подлинникѣ были въ моихъ рукахъ, я процитирую выдержку изъ дневника Императора Николая II, въ свое время опубликованнаго въ газетѣ: „2 марта. Четвергъ. Утромъ пришелъ Рузскій и прочелъ мнѣ длиннѣйшій разговоръ по аппарату съ Родзянко. По его словамъ, положеніе въ Петроградѣ таково, что министерство изъ Членовъ Государственной Думы будетъ безсильно что-либо сдѣлать, ибо съ нимъ борется эсъ-дековская партія въ лицѣ рабочаго комитета. Нужно мое отреченіе. Рузскій передалъ этотъ разговоръ въ Ставку Алексѣева и всѣмъ Главнокомандующимъ. Въ 12 съ половиной часовъ пришли отвѣты. Для спасенія Россіи и удержанія Арміи на фронтѣ я рѣшился на этотъ шагъ. Я согласился, и изъ Ставки прислали проектъ манифеста. Вечеромъ изъ Петрограда прибыли Гучковъ и Шульгинъ, съ которыми я переговорилъ и передалъ подписанный передѣланный манифестъ. Въ часъ ночи уѣхалъ изъ Пскова съ тяжелымъ чувствомъ; кругомъ измѣна, трусость, обманъ“.

Привожу изъ доклада о поѣздкѣ своей въ Армію одного изъ членовъ Думы записанный со словъ генерала Рузскаго разсказъ о послѣднихъ словахъ отрекшагося Императора: онъ снялъ съ себя фуражку, сталъ передъ образомъ, который былъ въ углу вагона, перекрестился и сказалъ: „Такъ Господу Богу угодно, и мнѣ надо было давно это сдѣлать“. Подписывая поданное генераломъ Рузскимъ отреченіе и отдавая ему текстъ подписанный, онъ сказалъ: „Единственный, кто честно и безпристрастно предупреждалъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко“, и съ этими словами повернулся и вышелъ изъ вагона. Привожу эти слова, какъ доказательство, что отъ Царя ничего не было скрыто.

Для полученія подлиннаго отреченія Императора Николая II, Предсѣдатель Государственной Думы, который не имѣлъ возможности ни на одинъ шагъ оставить столицу по суммѣ разныхъ причинъ, были командированы: Членъ Государственнаго Совѣта А. И. Гучковъ и Членъ Государственной Думы Шульгинъ. Лица эти, прибывъ въ Ставку въ Псковъ, явились къ Государю и получили уже готовое отреченіе въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, текстъ котораго при семъ прилагается.

Отреченіе Императора Николая II.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи

новыя тяжкія испытанія. Начавшіяся внутри народа народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягъ послѣднія усилія, и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды, и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передали наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины.

Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи! НИКОЛАЙ.

2 марта 1917 г., 15 час.
городъ Псковъ.

Скрѣпилъ: Министръ Императорскаго Двора *Фредерiксъ.*

Заявленіе Великаго Князя Михаила Александровича.

Тяжелое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ Императорскій Всероссійскій престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народа.

Одушевленный со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства Россійскаго.

Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

3 марта 1917 года.
Петроградъ.

МИХАИЛЪ.

Отреченіе было подписано 2 марта 1917 года.

Здѣсь умѣстно **самымъ категорическимъ образомъ отвергнуть и опровергнуть всѣ слухи о томъ, что командированными лицами производились какія-то насильственныя дѣйствія, произносились угрозы, съ цѣлью побужденія Императора Николая II къ отреченію.**

Вышеприведенный мною дневникъ Царя не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній, и я съ негодованіемъ отвергаю всѣ эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличіи подобныхъ дѣйствій со стороны лицъ, безупречныхъ по своему прошлому и по своему настоящему, во время своей государственной дѣятельности.

Такимъ образомъ, Верховная власть перешла, якобы, къ Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возникъ для насъ вопросъ, какія послѣдствія можетъ вызвать такая совершенно неожиданная постановка вопроса и возможно ли воцареніе Михаила Александровича, тѣмъ болѣе, что объ отказѣ за сына отъ престола въ актѣ отреченія не сказано ни слова.

Прежде всего, по дѣйствующему закону о престолонаслѣдіи царствующій Императоръ не можетъ отказаться въ чью-либо пользу, а можетъ этотъ отказъ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцареніе тому лицу, которое имѣетъ на то законное право, согласно акта о престолонаслѣдіи.

Такимъ образомъ, при несомнѣнно возрастающемъ революціонномъ настроеніи массъ и ихъ руководителей, мы, на первыхъ же порахъ, получили бы обоснованный юридическій споръ о томъ, возможно ли признать воцареніе Михаила Александровича законнымъ. Въ результатѣ получилась бы сугубая вспышка со стороны тѣхъ лицъ, которыя стремились опрокинуть окончательно монархію и сразу установить въ Россіи республиканскій строй.

По крайней мѣрѣ, членъ Государственной Думы Керенскій, входившій въ составъ Временнаго Комитета Государственной Думы, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что если воцареніе Михаила Александровича состоится, то рабочіе города Петрограда и вся революціонная демократія этого не допустятъ

Идти на такое положеніе вновь воцаряемаго Царя, очевидно, въ смутное тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существеннѣй— это то, что принимая въ соображеніе настроенія революціонныхъ элементовъ, указанныя членомъ Государственной Думы Керенскимъ, для насъ было совершенно ясно, что Великій Князь процарствовалъ бы всего нѣсколько часовъ, и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе въ стѣнахъ столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ.

Для насъ было ясно, что Великій Князь былъ бы немедленно убитъ и съ нимъ всѣ сторонники его, ибо вѣрныхъ войскъ уже тогда въ своемъ распоряженіи онъ не имѣлъ и поэтому на вооруженную силу опереться бы не могъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ поставилъ мнѣ ребромъ вопросъ, могу ли ему гарантировать жизнь, если онъ приметъ престолъ, и я долженъ былъ ему отвѣтить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имѣлъ за собой. Даже увезти его тайно изъ Петрограда не представлялось возможнымъ: ни одинъ автомобиль не былъ бы выпущенъ изъ города, какъ не выпустили бы ни одного поѣзда изъ него. Лучшей иллюстраціей можетъ служить слѣдующій фактъ: когда А. И. Гучковъ вмѣстѣ съ Шульгинымъ вернулись изъ Пскова съ актомъ отреченія Императора Николая II въ пользу своего брата, то Гучковъ отправился немедленно въ казармы или мастерскія желѣзнодорожныхъ

рабочихъ, собралъ послѣднихъ и, прочтя имъ актъ отреченія, возгласилъ: „Да здравствуетъ Императоръ Михаилъ", но немедленно же онъ былъ рабочими арестованъ съ угрозами разстрѣла, и Гучкова съ большимъ трудомъ удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшаго полка. Несомнѣнно, что были и сторонники Великаго Князя Михаила, но его воцареніе означало бы начало гражданской войны въ столицѣ. Возбуждать же гражданскую войну, при наличіи войны на фронтѣ и яснаго пониманія нами, что гражданская война вызоветъ такую смуту въ тылу, которая лишитъ Дѣйствующую Армію необходимаго подвоза пищевыхъ и боевыхъ припасовъ,—на это могъ рѣшиться только Ленинъ, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась въ этотъ ужасный моментъ не въ возбужденіи страстей, а въ умиротвореніи и приведеніи взволнованнаго моря народной жизни въ должное успокоеніе. Такой мѣрой было, несомнѣнно, отреченіе Императора Николая II и воцареніе Цесаревича Алексѣя Николаевича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Но упущеніе времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. Въ революціонную эпоху событія мчатся съ такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможнымъ, завтра дѣлается уже невозможнымъ къ осуществленію. Такъ было и въ этомъ случаѣ.

Возставшее населеніе столицы уже признало, что Государственная Дума приняла на себя власть, и поэтому пришлось ограничиться избраніемъ Временнаго Комитета изъ состава Государственной Думы, которому и поручены были дальнѣйшія мѣропріятія по умиротворенію столицы и страны.

Временный Комитетъ Государственной Думы и Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Долженъ здѣсь отмѣтить, что, въ силу своего партійнаго состава, Государственная Дума принуждена была во Временный Комитетъ избрать представителей разныхъ теченій, и эта неоднородность состава Временнаго Комитета, какъ мы это увидимъ дальше, послужила значительнымъ тормазомъ къ его авторитету и къ возможности, опираясь на реальную силу, принимать надлежащія мѣры къ водворенію порядка.

Гибельный недостатокъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность созданнаго Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы Временнаго Правительства, обнаружился на первыхъ же порахъ. Когда обсуждался вопросъ о томъ, надлежитъ ли Государственной Думѣ сразу вступить во всю политику Государственной власти въ виду революціоннаго настроенія, Членъ Государственной Думы Керенскій, на требованіе Предсѣдателя Государственной Думы, въ случаѣ положительнаго разрѣшенія вопроса предоставить въ его руки полную власть во всемъ объемѣ и безусловно слѣпое повиновеніе всѣмъ его распоряженіямъ, заявилъ, что онъ признаетъ это условіе необходимымъ, но можетъ ему подчиниться постольку, посколько онъ не связанъ съ состояніемъ его въ должности Товарища Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Итакъ, въ зародышѣ уже новая власть получила первородный грѣхъ—это двоевластіе.

28 февраля Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ воззваніе: „Старая власть довела страну до полнаго развала, а народъ до голоданія. Терпѣть больше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. Вмѣсто хлѣба Царское Правительство дало народу свинецъ.

Но солдаты не захотѣли идти противъ народа и возстали противъ Правительства. Вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ Правительственныхъ учрежденій.

Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера, 27 февраля, въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и соціалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ коммиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами.

Всѣ вмѣстѣ, общими силами будемъ бороться для полнаго устраненія стараго Правительства и созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права“.

Вы видите, что въ этомъ воззваніи демократическіе слои и наиболѣе революціонные элементы призывались къ исключительному единенію и повиновенію своему выборному органу—Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, конечно, существовалъ, хотя и тайно, безъ перерыва, начиная съ 1905 г., и своей агитаціонной дѣятельности не прекращалъ.

Фактически же 27 февраля партія соціалистовъ овладѣла Петроградскимъ гарнизономъ и сдѣлалась хозяйкой положенія по этой причинѣ, но до поры до времени скрывала свою игру. Наиболѣе крайніе революціонные элементы, расточая цѣлый букетъ посулъ о грядущихъ благахъ путемъ завоеванія ихъ революціей, хотя не задумывались надъ вопросомъ, выполнимы ли эти посулы или нѣтъ, тѣмъ не менѣе имѣли громадный успѣхъ и этимъ путемъ привлекали къ себѣ массы, и войска гарнизона, и рабочихъ.

Но колебаться было уже поздно, да и невозможно въ виду поступавшихъ тревожныхъ извѣстій о волненіяхъ, начинавшихся въ провинціи. Предсѣдатель Государственной Думы долженъ былъ рѣшиться на возглавленіе Государственной Думой Государственной власти.

Еще считаю нужнымъ подчеркнуть, что именно въ это самое время члены Временнаго Комитета, избраннаго Государственной Думой, Чхеидзе и Керенскій, сразу стали на знаменательную платформу „постольку-поскольку“, и двоевластіе это проявилось на первыхъ же порахъ.

Повторяю еще разъ, двоевластіе красной нитью проходило через всѣ дѣйствія созданнаго дальнѣйшимъ Временнаго Правительства, которое проявило слабость и безхарактерность, не сумѣло справиться съ этимъ двоевластіемъ и подчинить себѣ, своей Верховной власти, всѣ оттѣнки политической мысли.

Временное Правительство.

Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, носящихъ, несомнѣнно, характеръ force majeur, конструкція власти въ первые же дни революціонной эпохи создалась такая: Временный Комитеть Государственной Думы, избранный съ самыхъ первыхъ часовъ начала революціоннаго движенія, явился источникомъ Верховной власти.

Составляя и назначая Правительства, безспорно, на законномъ правѣ, какъ единственный преемственный источникъ власти и какъ органъ, замѣщающій министровъ въ случаѣ ихъ ухода, онъ основалъ свое право на данномъ ему полномочіи народнаго представительства.

Полнота власти исполнительной была передана Комитетомъ Временному Правительству, и Временное Правительство, говоря словами манифеста Великаго Князя Михаила Александровича, по почину Государственной Думы возникшее, было признано не только всей Россіей, но и иностранными державами, почему былъ избранъ именно тотъ составъ лицъ во Временное Правительство, который призванъ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы къ власти. Хотя, по первой мысли Императора Николая II сформированіе перваго отвѣтственнаго министерства онъ предполагалъ поручить Предсѣдателю Государственной Думы, но, какъ я объяснилъ это выше, принять эти порученія я не могъ по разнымъ властнымъ причинамъ, и, кромѣ того, партія кадетъ рѣшительно воспротивилась моему Министерству, о чемъ лидеръ ихъ заявилъ Предсѣдателю Думской фракціи земцевъ-октябристовъ. Безъ участія же кадетской партіи образовать устойчивый кабинетъ было невозможно. Причины были слѣдующія: Князь Львовъ однимъ изъ послѣднихъ указовъ Императора Николая II былъ назначенъ Предсѣдателемъ перваго отвѣтственнаго передъ Палатами Совѣта Министровъ и, такимъ образомъ, носилъ на себѣ преемственность власти, делегированной ему отъ лица еще не свергенной Верховной власти а къ тому же, не учитывая популярность Князя Львова, какъ руководителя дѣятельности Всероссійскаго Земскаго Союза, и пріемлемости его кандидатуры для всѣхъ политическихъ группъ, выборъ предсѣдателя Правительства оставался на немъ. Всѣ остальные министры были избраны изъ популярнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, каковыми являлись: Милюковъ, Шингаревъ, Гучковъ, Годневъ, какъ безсмѣнный работникъ по контрольнымъ вопросамъ, Владиміръ Львовъ—знатокъ церковныхъ вопросовъ, постоянный предсѣдатель комиссіи Государственной Думы по церковнымъ дѣламъ, Терещенко—крупный финансовый и популярный дѣятель въ Кіевѣ, и, наконецъ, Керенскій, который долженъ былъ быть введенъ въ составъ кабинета по требованію демократическихъ элементовъ, безъ соглашенія съ которымъ не было никакой возможности водворить даже подобіе порядка и создать популярную власть.

Указанный мною только что зародышъ двоевластія проявился на первыхъ

же порахъ и позволительно задать себѣ вопросъ, была ли Государственная Дума вообще, а, въ частности, ея Предсѣдатель, облечена тѣмъ полнымъ довѣріемъ и той полнотой власти, которая рисовалась на мѣстахъ, въ провинціи, не преувеличено ли было въ странѣ представленіе о могуществѣ надъ толпой Государственной Думы, и не было ли уже въ столицѣ на первыхъ же порахъ такого тайнаго лозунга среди революціонной демократіи, въ силу котораго на первый планъ выдвигалась Государственная Дума только какъ нить, долженствующая прикрыть дальнѣйшія революціонныя дѣйствія.

Позвольте вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ нѣсколькими, чрезвычайно характерными фактами: 27 февраля, т. е. въ первый день переворота, неизвѣстно по чьему распоряженію, солдаты Петроградскаго гарнизона начали производить аресты, и однимъ изъ первыхъ приведенныхъ въ Думу арестованныхъ сановниковъ стараго режима былъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ. Онъ былъ приведенъ ко мнѣ группою солдатъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, кажется Преображенскаго полка, если память не измѣняетъ мнѣ, и когда я, пораженный этимъ произволомъ, для котораго не сдѣлано было никакого распоряженія, пригласилъ И. Г. Щегловитова пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, солдаты наотрѣзъ отказались выдать его мнѣ, объяснивъ, что они отведутъ его къ Керенскому или въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Когда я попробовалъ проявить свой авторитетъ и строго приказалъ немедленно подчиниться моему распоряженію, то солдаты сомкнулись вокругъ своего плѣнника и съ самымъ вызывающимъ, дерзкимъ видомъ показали мнѣ на свои винтовки, послѣ чего, безъ всякихъ обиняковъ, Щегловитовъ былъ уведенъ неизвѣстно куда.

Лозунги соціальной революціи.

Инцидентъ этотъ послужилъ первымъ поводомъ къ столкновенію между мною и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, но онъ былъ улаженъ въ виду того, что выпустить И. Г. Щегловитова на свободу—значило бы подвергнуть его просто-на-просто самосуду толпы, а потому онъ былъ временно задержанъ въ министерскомъ павильонѣ Государственной Думы, а впослѣдствіи, распоряженіемъ Временнаго Правительства, былъ препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

2 марта въ Государственную Думу, къ ея Предсѣдателю, явился Семеновскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ, но съ малымъ числомъ офицеровъ, послѣ моей привѣтственной рѣчи, устроилъ мнѣ шумную овацію, проводилъ съ криками „ура“ въ мой кабинетъ, гдѣ въ это время собрался Временный Комитетъ Государственной Думы.

Но немедленно выступившій послѣ моей рѣчи ораторъ, Членъ Государственной Думы и Временнаго Правительства, Чхеидзе стремился опорочить рѣчь Предсѣдателя Государственной Думы и посовѣтовалъ семеновцамъ вновь потребовать меня фронтомъ, дабы я точно и опредѣленно высказалъ свои взгляды по поводу учрежденія въ Россіи демократической республики и разрѣшенія вопроса о землѣ. Когда я пришелъ въ залъ къ Семеновскому полку, настроеніе солдатъ было уже совсѣмъ не то, какимъ было прежде, а, напротивъ, было чрезвычайно агрессивнымъ. Тѣмъ не менѣе удалось полкъ, взволнованный рѣчью

Члена Думы Чхеидзе, успокоить ссылкой на то, что всѣ эти вопросы подлежатъ разрѣшенію не представителя Государственной Думы и не Верховнаго Правительства, а Учредительнаго Собранія.

3 марта явившійся тоже демонстративно въ Государственную Думу 2 флотскій экипажъ держалъ себя еще болѣе агрессивно, и офицеры, ихъ приведшіе, въ большинствѣ случаевъ юные, только что произведенные мичманы, произносили тутъ же въ залѣ зажигательныя рѣчи, причемъ одинъ изъ нихъ, въ моемъ присутствіи, безъ всякихъ обиняковъ заявилъ, что меня нужно, какъ завѣдомаго „буржуя", разстрѣлять, что, повидимому, матросы были не прочь исполнить.

И только благодаря вмѣшательству другихъ офицеровъ, изобразившихъ матросамъ всю нелѣпость ихъ поведенія по отношенію къ Государственной Думѣ и ея Предсѣдателю, мнѣ удалось избѣжать въ этотъ моментъ разстрѣла.

Такимъ образомъ, изъ этихъ трехъ фактовъ можно вывести заключеніе, что авторитетъ и полнота власти Государственной Думы и ея Предсѣдателя, въ столицѣ по крайней мѣрѣ, стояли не такъ высоко, какъ казалось съ мѣста. Требовался огромный тактъ, огромное самообладаніе и выдержка, чтобы среди разбушевавшагося моря народныхъ страстей столицы удержать такъ или иначе равновѣсіе и не допустить возникновенія гражданской войны, губительной во всѣхъ отношеніяхъ и опасной для удачнаго завершенія кровопролитнѣйшей борьбы, находящейся въ самомъ апогеѣ своего развитія.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ ясно видно, что уже 27 февраля сформировавшійся Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ еще названіе Солдатскихъ Депутатовъ, имѣлъ опредѣленную программу дѣйствій въ смыслѣ превращенія политически національнаго переворота въ соціальную революцію, основанную на безпощадной классовой борьбѣ подъ лозунгомъ „углубленія революціи". Его цѣлью уже тогда, очевидно, была жестокая борьба съ буржуазіей во имя побѣды пролетаріата и водворенія его владычества, и, конечно, проводимыя впослѣдствіи кровью и желѣзомъ въ жизнь соціалистическія ученія большевиковъ были въ нѣкоторой степени исповѣдуемы и этой частью революціонной демократіи, зараженной теоріями интернаціонализма.

Руководители движенія не считались вовсе съ національными запросами Россіи, но вели свое дѣло осторожно, идя какъ бы въ союзѣ съ буржуазными элементами въ дѣлѣ подавленія нарождающейся анархіи и приведенія страны къ порядку. Эту скрытую цѣль Временный Комитетъ и Временное Правительство не уяснили себѣ въ достаточной степени и своевременно не поставили вопросъ ребромъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Достаточно упомянуть здѣсь, что производимые, якобы, въ столицѣ самочинные аресты совершались безъ вѣдома Временнаго Комитета Государственной Думы и его распоряженія.

Временный Комитетъ неоднократно объявлялъ о незакономѣрности такихъ арестовъ, но они продолжались съ поразительной планомѣрностью, при чемъ производившими ихъ воинскими чинами постоянно указывалось имя Члена Государственной Думы Керенскаго, какъ руководителя ихъ дѣйствій.

Волненіе въ обществѣ было чрезвычайно и порождало невѣроятное количество затрудненій.

Собравшійся, если память мнѣ не измѣняетъ, 3-го марта офицерскій составъ Петроградскаго гарнизона, въ зданіи Собранія Арміи и Флота, вынесъ

самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста Императора Николая II; ихъ многочисленная депутація явилась ко мнѣ во Временный Комитетъ съ цѣлью поддержать свои резолюціи, и съ трудомъ удалось успокоить взволнованную до невозможности публику. Въ то же время начались агрессивныя дѣйствія и настроеніе солдатъ противъ своихъ офицеровъ, образовалась группа офицеровъ-республиканцевъ, и революціонное движеніе стало принимать все болѣе и болѣе острый и сложный характеръ.

Въ скоромъ времени вспыхнулъ Кронштадтскій бунтъ, извѣстный всѣмъ вамъ по своему кровопролитному характеру, и, не взирая на численное превосходство Петроградскаго гарнизона надъ Кронштадтскимъ, Временное Правительство ничего сдѣлать съ этимъ бунтомъ не могло, такъ какъ части Петроградскаго гарнизона не соглашались идти усмирять своихъ взбунтовавшихся товарищей.

Номинальный характеръ власти Временнаго Правительства.

Мало-по-малу Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, присоединившій къ себѣ имя и Солдатскихъ Депутатовъ, развивался все болѣе и болѣе, получая поддержку изъ провинціи, главнымъ образомъ отъ запасныхъ батальоновъ, находящихся на мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Пріобрѣтая моральную силу и авторитетъ въ глазахъ революціонной демократіи, а, вѣрнѣе сказать, рабочаго пролетаріата въ столицѣ и на мѣстахъ, онъ немедленно приступилъ къ изобличенію Государственной Думы вообще и ея Предсѣдателя въ частности въ контръ-революціонности и повелъ атаку на Временное Правительство.

Такимъ образомъ, вмѣсто согласованныхъ дѣйствій Временнаго Правительства со всѣми слоями населенія получилось рѣзко и характерно выраженное двоевластіе.

Членъ Правительства Керенскій, занимавшій тогда постъ Министра Юстиціи, состоялъ одновременно съ этимъ и Товарищемъ Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и не только получалъ директивы отсюда, но вынужденъ былъ на первыхъ порахъ постоянно являться на собранія Совѣта, давать объясненія и, естественно, въ качествѣ причастнаго къ этой организаціи лица, вносить порученныя директивы и требовать ихъ проведенія въ нѣдрахъ Временнаго Правительства.

Здѣсь умѣстно будетъ дать хотя бы краткую характеристику А. Ф. Керенскаго, этого яркаго и гибельнаго для Россіи государственнаго дѣятеля. А. Ф. Керенскій для меня, хорошо его знающаго, былъ совершенно ясенъ. Въ высшей степени безпринципный человѣкъ, легко мѣняющій свои убѣжденія, мысли, не глубокій, а, напротивъ, чрезвычайно поверхностный, онъ не представлялъ для меня типа серьезнаго государственно-мыслящаго человѣка. Его рѣчи въ Государственной Думѣ, всегда нервно-истеричныя, были въ большинствѣ случаевъ безсодержательны, въ видѣ фейерверка громкихъ, звонкихъ фразъ, и не всегда даже соотвѣтствовали его внутреннему настроенію. Такъ, напримѣръ, въ началѣ лѣта 1916 года, когда стало очевиднымъ, что Государственной Думѣ нѣтъ больше дѣла и Члены Думы стали поговаривать, что пора бы распустить ихъ на каникулы по домамъ, Керенскій разразился громовой рѣчью по адресу своихъ

товарищей Членовъ Думы. Онъ упрекалъ ихъ въ нежеланіи положить свои труды на пользу Родины, укорялъ ихъ въ томъ, что они будто бы готовы судьбу Отчизны отдать въ безконтрольное распоряженіе бездарнаго, развращеннаго Правительства, сыпалъ на ихъ головы упреки въ измѣнѣ и угрожалъ народнымъ гнѣвомъ. Рѣчь была страстная, горячая и стремительная. Я предсѣдательствовалъ въ это время, и, когда А. Ф. Керенскій кончилъ, я, передавъ предсѣдательствованіе своему Товарищу, направился къ выходу изъ зала засѣданія. Здѣсь меня встрѣтилъ Керенскій и сказалъ: „Когда же, наконецъ, Михаилъ Владиміровичъ, Вы насъ распустите—пора и по домамъ, намъ больше дѣлать нечего?“ Когда же я высказалъ ему свое несказанное удивленіе по поводу несоотвѣтствованія такихъ словъ съ содержаніемъ только что произнесенной имъ рѣчи, я получилъ въ отвѣтъ такія слова—„одно дѣло кафедра, гдѣ требуется подчиненіе партійнымъ лозунгамъ, чтобъ нанести ударъ врагамъ, а другое—это существо дѣла, обсужденное безпристрастно“. Въ этомъ отвѣтѣ Керенскій сказался весь по всему своему существу. Я смѣло утверждаю, что никто не принесетъ столько вреда Россіи, какъ А. Ф. Керенскій. Любитель дешевыхъ эффектовъ, рисующійся демагогическими принципами, Керенскій былъ всегда двуличенъ, заигрывалъ со всѣми политическими теченіями и не удовлетворялъ рѣшительно никого,—безвольный, безъ всякихъ твердыхъ государственныхъ принциповъ, безспорно тайно покровительствовавшій большевикамъ.

Но, хотя Керенскій и балансировалъ во всѣ стороны, однако же справедливость требуетъ напомнить, что нѣкоторое время онъ былъ всеобщимъ оракуломъ, вождемъ и любимцемъ. Имъ увлекались всѣ, вѣря его заманчивымъ обѣщаніямъ, изъ которыхъ онъ, однако же, ни одного не выполнилъ.

Этотъ человѣкъ, вовлекшій Россію въ пропасть, въ терроръ и потоки крови, имѣетъ теперь смѣлость, чтобы не сказать болѣе, требовать Европейскаго протектората надъ Россіей, если не будутъ проводиться въ жизнь неисполнимыя и неосуществимыя соціалистическія его доктрины.

Но Россія не нуждается ни въ чьемъ протекторатѣ, она найдетъ въ себѣ довольно гражданской мощи и мужества, чтобы своими собственными силами и средствами стать твердо на ноги и занять подобающее ей мѣсто въ концертѣ Европейскихъ Великихъ Державъ.

Временное Правительство неожиданно для меня оказалось тоже не чуждо вліянія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, обнаруживъ сильный кренъ въ его сторону. Сразу по своемъ вступленіи во власть оно стало какъ бы игнорировать Временный Комитетъ Государственной Думы, но чутко прислушивалось къ мнѣніямъ и преніямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Была даже учреждена спеціальная комиссія, называвшаяся „контактной“, для согласованности дѣйствій.

Ошибки Временнаго Правительства.

Но уже 21 апрѣля состоялось выступленіе нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, выразившееся въ уличныхъ манифестаціяхъ съ плакатами, на которыхъ было написано: „Долой Милюкова! Долой Временное Правительство!“

Коренная и роковая ошибка князя Львова, какъ Предсѣдателя Совѣта Ми-

нистровъ, и всѣхъ его Товарищей заключалась въ томъ, что они сразу же въ корнѣ не пресѣкли попытку поколебать вновь созданную власть, и въ томъ, что они упорно не хотѣли созыва Государственной Думы, какъ антитезы Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на которую, какъ носительницу идеи Верховной власти, Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу съ провозглашеннымъ принципомъ „углубленія революціи", знаменующимъ на самомъ дѣлѣ лишь развитіе національно-политической революціи въ соціально-интернаціональную.

А между тѣмъ, въ концѣ концовъ, необходимость въ такой конструкціи власти была признана, и, распустивъ Государственную Думу, Правительство Керенскаго создало Совѣтъ Россійской Республики при Временномъ Правительствѣ, который вскорѣ палъ подъ давленіемъ и пулеметами большевиковъ. Поэтому совершенно непонятно, почему Правительство Князя Львова на первыхъ же порахъ отшатнулось и старалось отмежеваться отъ Государственной Думы, тогда еще весьма популярной въ странѣ и обладающей всѣми возможностями быть буферомъ для Правительства при напорѣ на него чрезмѣрно революціоннаго теченія.

Временное Правительство оказалось, такимъ образомъ, однобокимъ и, подъ настойчивымъ напоромъ гласной кафедры Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, имѣвшихъ свой печатный органъ, не имѣло, съ другой стороны, опоры въ болѣе умѣренныхъ элементахъ страны, не создало такого учрежденія, вокругъ котораго эти умѣренные элементы могли бы объединиться и дать Временному Правительству надежную точку опоры.

Временному Правительству пришлось танцовать на одной лѣвой ногѣ, не имѣя фундамента подъ правой, а поэтому оно, очевидно, и потеряло равновѣсіе, было вовлечено въ водоворотъ все возрастающаго революціоннаго настроенія столицы и удержаться на своихъ принятыхъ позиціяхъ—умиротворенія страны и доведенія ея до Учредительнаго Собранія—конечно, не было уже въ силахъ.

Вотъ та грубая ошибка, которую совершилъ князь Львовъ въ силу своего безволія и также тѣ умѣренные элементы, входившіе тогда въ составъ руководителей внутренней жизни страны.

Могъ ли бороться съ такимъ явленіемъ Временный Комитетъ Государственной Думы?

Нѣсколько выше мною было указано, что фактически 27 февраля 1917 года реальной силой войска завладѣли соціалистическія партіи, скрывая, однако, до поры до времени это обстоятельство и прикрываясь Государственной Думой, какъ временнымъ щитомъ. Но въ такомъ же точно положеніи оказалось буржуазное Временное Правительство, потому что войска Петроградскаго гарнизона поддерживали его „постольку—поскольку", его дѣятельность была согласована съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Такимъ образомъ, при нежеланіи созданнаго Временнымъ Комитетомъ Правительства считаться съ первымъ, Комитету, не обладавшему уже силой штыка, оставался только одинъ путь борьбы—платоническіе протесты, на которые Временное Правительство перестало даже обращать вниманіе, хотя само оно оказывалось безсильнымъ при напорѣ на него съ лѣвой стороны. Между тѣмъ, вліяніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ возрастало очень быстро, распространяясь преимущественно среди Арміи и рабочихъ классовъ. Такъ, всѣ прибывающіе изъ Арміи депутаты, являясь сначала къ Предсѣдателю Государственной Думы, шли за-

симъ въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и съ невѣроятной легкостью усваивали его теоріи и міросозерцаніе, возвращаясь въ Армію уже сторонниками Совѣта. Явленіе это было повальное и принесло свои пагубные плоды, расшатавъ въ корнѣ дисциплину въ войскахъ.

Для широкой публики остается невыясненнымъ вопросъ, почему Государственная Дума какъ бы стушевалась на первыхъ же порахъ и не проявила достаточной жизненности, не собираясь въ засѣданія и не продолжая своей законодательной работы.

Причины этого явленія довольно сложны и лежатъ, съ одной стороны, въ самомъ существованіи революціоннаго переворота, а съ другой—находятъ себѣ объясненіе отчасти въ неподготовленности Членовъ Государственной Думы къ упорному сопротивленію въ революціонной борьбѣ и въ сущности отношеній къ вопросу о созывѣ Государственной Думы, въ данный моментъ, различныхъ думскихъ фракцій.

Не надо забывать, что Государственная Дума 26 февраля указомъ Императора Николая II была распущена и занятія ея прерваны на неопредѣленный срокъ одновременно съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Такимъ образомъ, юридически при дѣйствующей конституціи Государственная Дума собраться не могла, но когда Временному Комитету Государственной Думы, какъ то разъяснено выше, пришлось возглавить начавшееся революціонное движеніе и взять всю власть въ свои руки, явился естественный вопросъ, что и актъ отреченія Императора Николая II съ передачей Верховной власти Великому Князю Михаилу Александровичу и отреченіемъ отъ нея послѣдняго должны состояться въ публичномъ засѣданіи Государственной Думы.

Государственная Дума, такимъ образомъ, явилась бы носительницей Верховной власти и органомъ, передъ которымъ Временное Правительство было бы отвѣтственнымъ. Таковъ былъ проэктъ Предсѣдателя Государственной Думы. Но этому проэкту рѣшительно воспротивились, главнымъ образомъ, дѣятели кадетской партіи, а съ нею, само собой разумѣется, и все лѣвое крыло Государственной Думы. Какъ ни настаивалъ Предсѣдатель Государственной Думы на необходимости созыва Государственной Думы, юристы кадетской партіи рѣзко возражали ему на основаніи слѣдующихъ аргументовъ: во первыхъ, говорили они, при созывѣ Государственной Думы является юридическая необходимость и созыва Государственнаго Совѣта, если считать, что дѣйствующая конституція остается въ силѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, однако, невозможно было бы подвести обоснованнаго юридическаго фундамента подъ такое толкованіе. Во вторыхъ, дѣятели кадетской партіи считали, что созывъ Государственной Думы явился бы самъ по себѣ безцѣльнымъ, т. к. Государственная Дума въ составѣ своемъ, несомнѣнно, была буржуазная и сдѣлалась бы объектомъ атаки въ цѣляхъ ея сверженія со стороны крайнихъ элементовъ для учрежденія Національнаго или иного собранія, болѣе демократическаго и болѣе подходящаго къ революціонному настроенію страны. Въ третьихъ, указывалось, что при настоящемъ положеніи страны должно быть Правительство, обладающее абсолютной полнотой власти, до права законодательствовать включительно, т. к. событія, сопровождающіяся революціонными эксцессами, могли бы потребовать принятія экстраординарныхъ мѣръ, и необходимость въ этомъ случаѣ санкціи Государственной Думы, какъ это проэктировалъ Предсѣдатель Государственной Думы, съ ихъ точки зрѣнія, тормазила бы только планомѣрную дѣятельность Прави-

тельства, направленную къ упорядоченію дѣла войны и внутренней жизни Государства. Форма опять побѣдила существо. Дѣятели кадетской партіи просто не хотѣли имѣть дѣйствующую Думу, чтобы пользоваться во всей полнотѣ властью. Опять-таки существо дѣла было принесено въ жертву формѣ.

Такимъ образомъ, положеніе становилось чрезвычайно запутаннымъ. Если припомнить при этомъ, что еще 27 февраля былъ созванъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, водворившійся, подъ защитой нѣкоторыхъ частей Петроградскаго гарнизона, въ зданіи Государственной Думы,—то станетъ совершенно яснымъ, что конфликтъ между Государственной Думой и нарождающимся революціонно-демократическимъ органомъ началъ уже назрѣвать съ самаго начала, остановить же развитіе этого явленія представлялось почти невозможнымъ.

Если принять при этомъ еще въ соображеніе отказъ признанія необходимости созыва Государственной Думы всѣмъ лѣвымъ ея крыломъ, до партіи октябристовъ, то созывъ Государственной Думы—при такихъ условіяхъ упорнаго нежеланія лѣваго крыла созвать Государственную Думу—привелъ бы къ тому, что было бы ясно всей Россіи и всему міру, что въ Государственной Думѣ существуетъ расколъ во взглядахъ на ея тактику и дальнѣйшую организацію Государства.

Возражающіе просто не посѣщали бы Государственной Думы, что для меня было совершенно ясно. Пришлось бы подъ давленіемъ возбужденныхъ умовъ приступить къ новой конструкціи Государственной Думы, путемъ кооптированія въ нее революціонной демократіи,—пришлось бы, можетъ быть, созвать всѣхъ Членовъ всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ и объявить ихъ Національнымъ Собраніемъ, а это, въ свою очередь, послужило бы значительнымъ тормазомъ къ успѣшному и быстрому созыву Учредительнаго Собранія. На послѣднемъ условіи сошлись, однако, всѣ партіи, обѣщая въ этомъ случаѣ объединиться вокругъ созданнаго Временнаго Правительства, поддерживать его и передать ему всю полноту власти. Пришлось поэтому избрать этотъ средній путь.

Не надо забывать при этомъ, что если бы Государственная Дума, возглавившая собою переворотъ, и была, несомнѣнно, авторитетна и популярна въ странѣ, и признавалась бы ею, какъ дѣйствительный источникъ Верховной власти, то это явленіе продолжалось бы недолго, а въ отношеніи настроенія столицы, какъ мною уже представленъ цѣлый рядъ примѣровъ, обнаружилась бы сразу же подозрительность къ Государственной Думѣ революціонныхъ элементовъ, въ смыслѣ ея контръ-революціонности.

При такихъ условіяхъ Предсѣдатель Государственной Думы не могъ принять на себя отвѣтственность созыва Государственной Думы и призналъ болѣе правильнымъ выждать время, когда для него было ясно, по крайней мѣрѣ яснымъ казалось,—Временное Правительство будетъ вынуждено обратиться къ Государственной Думѣ для того, чтобы въ ней найти опору противъ чрезмѣрнаго развитія революціонныхъ эксцессовъ. Но Временное Правительство на первыхъ же порахъ слишкомъ преувеличивало значеніе своей популярности, силы и вліянія своей власти, а потому ошибочно не использовало популярности Государственной Думы и вовсе не учло того обстоятельства, что крайніе революціонные демократическіе и соціалистическіе круги на самомъ дѣлѣ отнюдь не намѣрены были предоставить всю полноту власти Временному Правительству, состоящему въ большинствѣ своемъ изъ буржуазныхъ элементовъ, и что атака на него воспослѣдуетъ въ ближайшіе дни.

Считаю теперь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, насколько обвиненіе Государственной Думы въ томъ, что она на первыхъ порахъ революціи развратила Армію, по существу своему справедливо.

Приказъ № 1-й.

Прежде всего я буду говорить объ исторіи пресловутаго приказа № 1.

Установилось довольно твердое убѣжденіе, что этотъ приказъ № 1 написанъ и изданъ Государственной Думой или, вѣрнѣе, Временнымъ Комитетомъ ея, и былъ изданъ за подписью Военнаго Министра Гучкова. Но простое сопоставленіе историческихъ датъ разрушаетъ въ корнѣ обвиненіе и подозрѣніе.

Приказъ № 1 появился утромъ 2 марта 1917 года, когда Временное Правительство, въ составъ котораго вошелъ, какъ Военный Министръ, Гучковъ, еще не существовало, оно было сформировано днемъ 2-го марта, и декретъ объ его сформированіи Правительствующему Сенату былъ опубликованъ Временнымъ Комитетомъ за моею подписью лишь 3 марта.

Такимъ образомъ, Гучковъ, какъ Военный Министръ, такого приказа подписать не могъ. Онъ не входилъ въ составъ Временнаго Комитета Государственной Думы 1 марта, а былъ привлеченъ къ активной дѣятельности только 3-го марта.

Кромѣ того, я категорически заявляю, что Гучковъ такого приказа не подписывалъ и никакого участія въ его составленіи не принималъ.

Вечеромъ 1 марта въ созданную при Временномъ Комитетѣ Военную Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Члена Думы Энгельгардта, явился неизвѣстный солдатъ отъ лица избранныхъ представителей Петроградскаго гарнизона, потребовавшій выработки приказа, регулирующаго на новыхъ основаніяхъ взаимоотношенія офицера и солдата, на что Энгельгардтъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, указавъ на то, что Временный Комитетъ находитъ недопустимымъ изданіе такого приказа.

Тогда солдатъ этотъ заявилъ полковнику Энгельгардту: „не хотите, такъ мы и безъ васъ обойдемся“.

Въ ночь съ 1-го на 2-е марта приказъ этотъ былъ напечатанъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ распоряженіемъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, которому абсолютно подчинялись рабочіе всѣхъ типографій Петрограда, и неизвѣстнымъ Временному Комитету распоряженіемъ былъ разосланъ на фронтъ.

Когда это дошло до свѣдѣнія Временнаго Комитета, а Временнаго Правительства еще тогда не существовало, Комитетомъ было сдѣлано постановленіе о томъ, что этотъ приказъ считается недѣйствительнымъ и незаконнымъ.

Произошло крупное объясненіе съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, и въ результатѣ этотъ послѣдній выпустилъ въ одномъ изъ номеровъ своихъ „Извѣстій“ другой приказъ, въ которомъ объявлялось для всеобщаго свѣдѣнія, что приказъ № 1 обязателенъ только для Петроградскаго гарнизона и войскъ Петроградскаго Военнаго Округа.

Но, конечно, вредное дѣло было сдѣлано.

Благодаря чрезвычайно активной работѣ, направленной уже тогда про-

тивъ Временнаго Комитета Государственной Думы, я не могу съ увѣренностью утверждать, что распоряженіе Временнаго Комитета, анулирующее силу и назначеніе приказа № 1, было своевременно напечатано и своевременно получено на фронтѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ исторія возникновенія приказа № 1.

Еще разъ самымъ рѣшительнымъ, самымъ категорическимъ образомъ заявляю, что ни Временный Комитетъ, ни Государственная Дума рѣшительно не при чемъ въ его изданіи, а наоборотъ, принимались всѣ возможныя въ то время и зависящія отъ нихъ мѣры къ анулированію его значенія и даже къ уничтоженію его, и что Гучковъ никогда такого приказа не подписывалъ.

Возможно, однако, что приказъ этотъ и появился въ нѣкоторыхъ экземплярахъ съ подписью Гучкова, но это было не что иное, какъ политическій шантажъ и завѣдомый подлогъ.

Дѣйствующая Армія и Государственная Дума.

Тѣмъ не менѣе, Временный Комитетъ Государственной Думы учелъ возможныя послѣдствія изданія этого приказа, и вслѣдствіе этого немедленно были сформированы партіи изъ Членовъ Государственной Думы и откомандированы въ Дѣйствующую Армію на фронтъ для того, чтобы путемъ личныхъ бесѣдъ съ солдатами и офицерами разъяснить смыслъ и существо происшедшихъ въ столицѣ событій, значеніе совершившагося переворота и тѣ обязанности, которыя новая форма правленія возлагаетъ на Дѣйствующую Армію.

Точнаго и яснаго пониманія настроенія Дѣйствующей Арміи и отношенія ея къ перевороту мы еще составить себѣ не могли за отсутствіемъ свѣдѣній и быстротой развивавшихся событій, но самый фактъ, что всѣ командующіе фронтами, начиная съ Великаго Князя Николая Николаевича, посовѣтовали Императору Николаю II отречься отъ престола, служилъ достаточнымъ показателемъ, что къ перевороту, совершившемуся въ Петроградѣ, относятся въ Арміи положительно, и что проэктъ текста отреченія былъ составленъ въ Ставкѣ и посланъ Императору во Псковъ.

О томъ, какъ относилась Государственная Дума, ея Временный Комитетъ и Предсѣдатель, лучше всего можно судить по нижеслѣдующимъ документамъ. 27 февраля мною были сказаны слѣдующія слова 9-му запасному кавалерійскому полку въ концѣ рѣчи: „Приглашаю васъ, братцы, помнить, что воинскія части только тогда сильны, когда онѣ въ полномъ порядкѣ и когда офицеры находятся при своихъ частяхъ.

Православные воины, послушайте моего совѣта. Я старый человѣкъ, я васъ обманывать не стану,—слушайте офицеровъ, они васъ дурному не научатъ и будутъ распоряжаться въ полномъ согласіи съ Государственной Думой. Да здравствуетъ Святая Русь!“

На Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи въ августѣ 1917 года въ обращеніи моемъ къ Правительству были сказаны г. Керенскому такія слова: „Ваша вина—это дезорганизація Арміи, которая не сумѣла противостоять непріятельскому натиску. Причина этой дезорганизаціи не въ войскахъ. Я видѣлъ, какъ наша Армія безъ ружей отбивалась отъ вооруженнаго непріятеля лопатами и топорами, а теперь эти герои оказываются преисполненными страха.

Неужели Правительство не имѣло силы, а если имѣло, то почему не употребило ее для того, чтобы остановить преступную агитацію, которая развратила нашего солдата и сдѣлала его небоеспособнымъ?"

И, наконецъ, въ резолюціи IV Государственной Думы на томъ же Московскомъ Совѣщаніи въ пунктѣ 2-мъ говорится: „Для достиженія указаныхъ цѣлей боеспособность Арміи должна быть установлена въ кратчайшій срокъ путемъ полнаго устраненія политики изъ Арміи вплоть до избранія Учредительнаго Собранія. Возстановленіе дисциплинарной власти начальниковъ, ограниченіе дѣятельности комитетовъ исключительно хозяйственными функціями, проведеніе правъ солдата и гражданина и строгое соотвѣтствіе его гражданскихъ и военныхъ обязанностей и предоставленіе Верховному Главнокомандующему возможности осуществить во всемъ объемѣ права, предоставленныя ему закономъ, необходимыя для единаго руководства дѣломъ Арміи".

Если къ этому прибавить, что Армія еще задолго до переворота носила въ себѣ признаки разложенія, о чемъ я говорилъ раньше, то быстрота, съ которою это разложеніе фактически совершилось, станеть понятной.

Революція сразу смела всѣ традиціонные устои въ Арміи, не успѣвъ создать новые, и спустила вѣковое политическое знамя. Солдаты, видя это и не ощущая цѣли дальнѣйшей борьбы, просто потянулись домой въ виду начавшихся смутъ въ тылу и, конечно, подъ вліяніемъ преступной пропаганды. Это самовольное обратное шествіе по домамъ шло преступной и кровавой дорогой.

Все, что было возможно, для пресѣченія этихъ явленій Государственной Думой было сдѣлано, но еще разъ повторяю, что развитіе революціоннаго настроенія среди пролетаріата приняло такія формы, бороться съ которыми уже не представлялось возможнымъ, не имѣя поддержки въ вооруженной силѣ, которая, выбитая изъ колеи, отказалась повиноваться Государственной Думѣ и Временному Правительству. Историческій ходъ событій остановить было невозможно.

Активная и упорная работа элементовъ, враждебныхъ Государственной Думѣ, принесла свои обильные плоды, и значеніе Государственной Думы, не имѣющей уже опоры ни въ войскахъ, ни во Временномъ Правительствѣ, было сначала мало-по-малу поколеблено и въ народныхъ массахъ, а затѣмъ начало блѣднѣть и терять свое значеніе.

Народная мысль пошла за тѣми проповѣдниками, которые завѣдомо и неосновательно сулили ей рай земной, прекрасно понимая, однако, что выполнить этого они не могутъ.

Возбужденные умы и легковѣрныя сердца приняли это обѣщаніе на вѣру и пошли за тѣми лживыми учителями, которые сулили имъ недобросовѣстно то, чего дать не могли. Государственная Дума дѣлать такихъ обѣщаній не могла, не поступившись своимъ достоинствомъ и авторитетомъ, и на путь дешевыхъ посулъ не пошла.

Вотъ логическія причины того обстоятельства, что въ періодъ наибольшаго развитія революціоннаго движенія, когда оно достигло зенита—высшей точки своего проявленія,—Государственная Дума, какъ элементъ законности и порядка, а не разрушенія, должна была уступить мѣсто болѣе активнымъ и агрессивнымъ элементамъ революціи.

Я не буду болѣе утомлять вашего вниманія развитіемъ и объясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ и событій, которыя привели наше Отечество къ настоящему

положенію. Изъ изложеннаго ясно видно, что иного хода событій ожидать было нельзя. Однако, слава Богу, народный умъ начинаетъ просвѣтляться.

Всѣ лже-учителя потеряли, конечно, свой авторитетъ; идеи коммунизма, идеи, якобы, правильнаго распредѣленія всѣхъ земныхъ благъ поровну между всѣми—потерпѣли полное крушеніе.

Для всѣхъ стало очевидно, что вмѣсто пресловутаго лозунга,—равенство, братство и свобода,—странѣ преподносится жесточайшій деспотизмъ, основанный на насиліи, крови, убійствахъ и такомъ произволѣ, о которомъ не мечтало никогда и самодержавное Правительство, уступившее ему мѣсто.

Выводы.

Какіе же выводы надлежитъ сдѣлать изъ всего сказаннаго, и что насъ теперь ждетъ?

Послѣдовательное изложеніе мною наростанія сначала оппозиціонныхъ, а потомъ революціонныхъ настроеній приводитъ къ первому безспорному выводу: невозможно и неправильно приписывать краткосрочной работѣ одного лица или даже одной группѣ лицъ всю вину за вспыхнувшую революцію и отечественную разруху. Послѣдовательныя ошибки въ управленіи Государствомъ, въ цѣломъ рядѣ десятилѣтій, вотъ причина возникновенія революціи въ Россіи. Правящіе классы не отдавали, или не хотѣли отдавать себѣ отчета въ томъ, что русскій народъ выросъ изъ дѣтской распашонки и требовалъ иного одѣянія и иного къ себѣ отношенія.

Постепенное развитіе образованія, развитіе русской науки и литературы, общеніе съ болѣе передовыми, культурными странами, увеличившееся сознаніе въ необходимости уваженія правъ каждаго гражданина, сознаніе въ несомнѣнномъ правѣ населенія знать, что его ожидаетъ завтра, и право участія въ рѣшеніи своей судьбы,—всѣ эти запросы народной совѣсти встрѣчали постоянный суровый отпоръ Государственной власти, явно не желавшей уступить своихъ позицій и привилегій. Упорная борьба на этой неблагодарной для Государственной власти почвѣ вызвала тотъ историческій ходъ событій, предотвратить и задержать естественныя послѣдствія котораго и оказалось задачей непосильной слишкомъ поздно призванному къ дѣятельности народному представительству. Послѣднее, какъ элементъ эволюціи, но не революціи, не могло, конечно, устоять противъ долго сдерживаемаго народнаго негодованія. Недаромъ великій сердцевѣдъ и патріотъ Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что всякая революція сильна не столько своими эксцессами и отказомъ признавать существующую власть, сколько той долей правды, которая вложена въ ея идею. И эта глубокая мысль встрѣчаетъ подтвержденіе и въ нашей Русской революціи, уже впослѣдствіи развившейся въ дикій разгулъ неудержимой пугачевщины. Вѣдь происшедшій въ февралѣ 1917 года переворотъ былъ встрѣченъ всей страной спокойно и съ одобреніемъ. Наша армія—цвѣтъ населенія—сильная и вооруженная, тоже не возражала противъ него и, очевидно, была за переворотъ. Неужели же не ясно, что отъ Арміи зависѣло положить рѣшительный предѣлъ всякимъ революціоннымъ начинаніямъ, какъ силѣ реальной и непобѣдимой внутри страны.

Однако этого не послѣдовало, а, слѣдовательно, Армія революцію признала и противъ нея не возстала.

Изъ этого обстоятельства вытекаетъ и второй выводъ. Политика Государственной власти послѣ освободительнаго движенія 1905 года была въ корнѣ неправильной.

Лозунгъ: сначала успокоеніе, а потомъ реформы, оказался нежизненнымъ, т. к. народное волненіе и безпокойство имѣло корнемъ своимъ потребность неотложныхъ реформъ, которыя доказали бы, что курсъ Государственнаго корабля рѣшительно измѣненъ, и это обстоятельство, безспорно, внесло бы и успокоеніе.

Припомните изъ сдѣланнаго мною сообщенія, какъ гибельно и пагубно отозвалось на цѣлости Государства возникшее съ первыхъ же поръ революціоннаго движенія двоевластіе, основанное на недовѣріи, на классовой борьбѣ, двоевластіе, возбуждающее и пробуждающее низменные, дурные инстинкты. Да будетъ это обстоятельство намъ яркимъ примѣромъ того, какъ опасны для нашего собственнаго бытія раздоры тамъ, гдѣ должно быть единство и всеобщее пониманіе.

Не будемъ забывать, какъ низко мы пали въ сонмѣ народовъ въ силу разложенія національной Государственности, подъ вліяніемъ содѣянныхъ нами ошибокъ за цѣлый рядъ лѣтъ и, преимущественно, за время смутнаго времени послѣднихъ дней.

И теперь, въ дни мучительной разрухи и невѣроятныхъ страданій русскаго люда, прежде всего нуженъ порядокъ и возстановленіе законности и охраны личности и правъ каждаго гражданина.

Довольно произвола, пора подчиняться не за страхъ, а за совѣсть, единой Всероссійской власти, опирающейся на всеобщее народное довѣріе.

Вспомните, изъ сказанныхъ мною словъ, какъ опасна преступная агитація, которая, несомнѣнно, имѣла мѣсто въ первое время революціоннаго движенія и которой повѣрили всѣ безъ надлежащаго критическаго отношенія.

Вспомните, изъ сдѣланнаго мною сообщенія, какъ безсильна власть, не опирающаяся на правильно избранное народное представительство, воплощающее въ себѣ народную волю и народное довѣріе. Мы эту власть и народное довѣріе должны, всецѣло и безъ колебанія, дать тѣмъ доблестнымъ вождямъ, которые безстрашно еще въ дни величайшей смуты и тревогъ подняли знамя чести и достоинства Россіи.

Мы должны объединиться всѣ, безъ различія политическихъ убѣжденій, вокругъ единой власти и стремиться къ водворенію порядка и подчиненія всѣхъ закону для приведенія разрушенной и поколебленной государственной жизни въ нормальное русло.

Нашъ доблестный Главнокомандующій, истинный и вѣрный сынъ своей Родины—генералъ Антонъ Ивановичъ Деникинъ—преподалъ намъ внушительный урокъ въ этомъ направленіи. Среди громкихъ ратныхъ побѣдъ, среди невѣроятныхъ успѣховъ и возрастающей боевой славы онъ не поколебался подчиниться Адмиралу Колчаку со всей своей славной Арміей во имя велѣнія своего Русскаго могучаго сердца, какъ истый гражданинъ, ставящій пользу общую выше своей личной власти и заслуженной славы. Низко поклонимся ему за этотъ патріотическій подвигъ.

И отнынѣ эта единая, сильная народнымъ довѣріемъ власть безъ колебанія поведетъ насъ по пути единственнаго выхода нашего изъ временнаго ката-

строфическаго положенія къ правильно и законно всеобщимъ голосованіемъ избранному полноправному Учредительному Собранію. Только одно оно вправѣ установить нашъ Государственный строй и указать основы законовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго благоустройства страны.

Теперь нельзя не остановиться еще на международномъ положеніи, которое занимаетъ въ настоящее время наша Родина.

Россія въ моментъ развязки міровой войны оказалась совершенно одна, оставленная своими союзниками и предоставленная, поэтому, самой себѣ. Мы сами, своими руками, разрушили нашу красавицу Мать-Родину. Обуреваемые революціонными страстями и вспыхнувшей взаимной ненавистью на почвѣ классовыхъ интересовъ и низменныхъ побужденій, мы не сумѣли понять, что только въ самой себѣ, черпая силы въ родномъ народномъ творчествѣ,—возможно сохраненіе цѣлости и нерушимости Отечества. Мы сами, увлекаемые ложными теоріями, правда, приведенные въ это состояніе всей неурядицей прошлыхъ десятилѣтій,—положили начало разложенію Государства и растлили народную душу.

Преступная пропаганда интернаціонализма,—очевидно, безпочвенная—сдѣлала, однако, свое дѣло. Потухли и принижены были національныя идеи, принижено было и уваженіе къ самимъ себѣ.

Да, Россія одна, и она только сама въ себѣ должна черпать силу для своего возрожденія, и, я скажу, слава Богу. Пусть тѣ страданія, которыя выпали на нашу долю, сметутъ безъ остатка всѣ лживыя понятія объ интернаціонализмѣ, о ненадобности, даже вредѣ національной идеи, о вредѣ народной гордости и достоинства.

Да, Россія осталась одна въ розыгрышѣ міровой эпопеи, который теперь совершается.

Единая, Великая, Недѣлимая, Мощная и самостоятельная Россія никому не нужна кромѣ насъ, русскихъ, и скорѣе даже опасна всѣмъ, какъ мощная, трудно преодолѣваемая сила. И если революція, причинившая намъ столько горя и страданія, пролившая потоки крови братской, измучившая всѣхъ и каждаго, цѣною этихъ страданій приведетъ насъ къ убѣжденію въ необходимости спаять себя въ одно цѣлое, прочное ядро; если послѣдствіемъ всѣхъ кровавыхъ событій террора окажется прочное возрожденіе всѣми понятой и навсегда усвоенной національной идеи, уваженія самихъ себя Русскихъ людей, и убѣжденіе въ наличіи огромныхъ и неизсякаемыхъ духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ нашего родного Отечества войдетъ въ плоть и кровь Русскаго народа,—если произойдетъ такая эволюція народной мысли и возродится неудержимое стремленіе націи создать исключительно своими руками изъ себя дѣйствительно мощный, культурный народъ, руководимый исключительно велѣніями Русскаго сердца, Русскаго ума и Русскихъ интересовъ, то я скажу, что революція сдѣлала въ народномъ самосознаніи огромное завоеваніе.

Намъ не на кого разсчитывать.

Дни смуты и переживаемое лихолѣтіе должны внушить намъ мысль, что только въ самихъ себѣ, въ своихъ собственныхъ силахъ кроется возрожденіе Государства, потому что, несмотря на нашу разрозненность, на гражданскую войну и всю тяжесть переживаемаго момента,—мы все же еще сильны, мощны и богаты.

Намъ нуженъ внутренній миръ. Намъ нужно героическимъ усиліемъ отбро-

сить далеко отъ себя создавшуюся классовую, сословную, партійную и иную борьбу, основанную на нездоровомъ чувствѣ ненависти и недовѣріи другъ къ другу. Партійность насъ можетъ окончательно погубить.

Сейчасъ намъ нужно быть ни правыми, ни лѣвыми, ни соціалистами, ни буржуями, ни монархистами, ни республиканцами—намъ нужно быть прежде всего Русскими людьми, безмѣрно любящими Отечество свое и вѣрующими въ его силы, и, несмотря на все наше временное униженіе, мы должны воспрянуть въ духѣ уваженія къ себѣ, къ своей національной идеѣ.

На насъ, Русскихъ людей, выпало тяжелое испытаніе обнаружить силу духа не только во внѣшней борьбѣ, но и во внутренней—съ собственнымъ безсиліемъ и малодушіемъ. Я призываю всѣхъ Русскихъ гражданъ-патріотовъ выстоять до конца такъ же, какъ выстояли назадъ тому 300 лѣтъ Русскіе люди въ ужасную и въ то же время славную эпоху смутнаго времени иноземнаго нашествія.

Все пережитое нами, несомнѣнно, есть болѣзнь, болѣзнь тяжкая, но болѣзнь къ росту. Болѣзнь послѣ выздоровленія, отъ которой Русская Государственность должна расцвѣсть еще болѣе мощной и страшной по силѣ своей для всѣхъ.

Къ прошлому возврата нѣтъ и быть не должно, но Россія должна воскреснуть на основаніяхъ горячаго и безграничнаго чувства патріотизма, чувства любви къ своей родной землѣ, чувства сознанія необходимости вновь возсоздать и въ лучшемъ устройствѣ нашу великую Родину, памятуя, что въ теченіе тысячи лѣтъ наши предки создавали ее путемъ горя, страданія и потоковъ крови, въ цѣпяхъ рабства и угнетенія, въ тяжкихъ лишеніяхъ и безправіи.

И если послѣдствія тяжкихъ, грубыхъ ошибокъ управленія неправомѣрными взаимоотношеніями гражданъ и иными имъ подобными причинами насъ довели до національнаго униженія, до самооплеванія, до оскорбленія національной гордости,—то пусть переживаемыя нами страданія, горе и позоръ послужатъ источникомъ очищенія насъ отъ этихъ пороковъ.

И пусть изъ этихъ страданій мы поймемъ, что только вокругъ иныхъ началъ народной жизни можетъ создаться мощное и сильное Государство.

Повторяю, всѣ партійные счеты наши, всѣ классовыя и иныя недоразумѣнія должны поблѣднѣть теперь передъ роковымъ вопросомъ, поставленнымъ на очередь: быть или не быть свободной, независимой ни отъ кого, самодовлѣющей Россіи.

И мнѣ хочется въ концѣ настоящаго сообщенія сказать, что я непоколебимо вѣрю въ силу и мощь Россіи.

Я чувствую уже начало пробужденія могучаго патріотическаго чувства. Я чувствую и глубоко убѣжденъ, что живетъ во всѣхъ русскихъ гражданахъ вѣра въ свѣтлое, историческое міровое будущее Россіи, которой, можетъ быть, суждено еще продиктовать свою волю въ мирномъ разрѣшеніи мірового конфликта.

ВЫШЛИ изъ ПЕЧАТИ.

„НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА“

№№ СЕРІЯ I. Цѣна.

1. Первое письмо раненаго большевика (о неравноправности людей) . . . . — р. 50 к.
2. Обуховъ, А. М.—Совѣтскій рай . . . . 1 » 50 »
3. Арефинъ, С.—Въ буеракѣ . . . . . . — » 50 »
4. Второе письмо раненаго большевика (о томъ, какъ и зачѣмъ появились большевики въ Россіи) . . . . — » 75 »
5. Арефинъ, С.—На родинѣ. Въ недавніе дни . . . . . — » 75 »
6. Краевъ, Л.—Большевистскіе пауки и крестьянскія мухи . . . — » 50 »
7. Иванъ Прямой.—Хитрая механика . . . . . . 1 » 25 »
8. Разсказъ плѣннаго красноармейца . . . . . — » 25 »
9. Романъ Макошинъ.—Что сдѣлала Добровольческая Армія . . . — » 50 »
10. Третье письмо раненаго большевика (о томъ, к къ и отчего погибла Таманская армія) . . . . 1 » — »
11. Арефинъ, С.—Данилка «Копчикъ» . . . . — » 85 »
12. Аврамовъ, П.—Васюта Родимова . . . . — » 50 »
13. Гришинъ, Ал.—«Буржуйка» . . . . — » 50 »
14. Аврамовъ, П.—Яковлевъ, Вл.—Два дезертира . . . . . . 1 » — »
15. Пятое письмо раненаго большевика (о землѣ и коммунахъ) . . . . . . 1 » — »

„НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА“

СЕРІЯ II.

1. Проф. Верховской, П. В.—Патріархъ Тихонъ . . . . — р. 25 к.
2. Кто такой Деникинъ . . . . 1 » — »
3. Морской, Н.—Кто такой Колчакъ . . . . . . — » 50 »
4. Калининъ, Я.—Генералъ Сергѣй Леонидовичъ Марковъ . . . . 1 » — »
5. Аврамовъ, П.—Генералъ А. Г. Шкуро . . . . — » 50 »

„БИБЛІОТЕКА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ“.

1. Ростовъ, Б.—Почему и какъ создалась Добровольческая Армія и за что она борется — р. 75 к.
2. Боринъ, К.—Первые вожди Добровольческой Арміи и ихъ взгляды на задачи ея . 2 » — »

„БИБЛІОТЕКА ДОБРОВОЛЬЦА“.

1. Кн. Трубецкой, Е.—Великая Революція и кризисъ патріотизма . . . . .
2. Св. В. Свенцицкій.—Россія, встань . . . . 1 » 50 »

„НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА“ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРИЗЫВЪ“.

1. Ксюнинъ, Ал.—Обманутый народъ . . . . — р. 50 к.
2. Его же.—Большевики и Россія . . . . . . — » 50 »
3. Лаптевъ, Ив.—Темная Русь . . . . . . — » 50 »
4. Его же.—Вороны въ павлиньихъ перьяхъ . . . . — » — »
5. Его же.—Лежачаго не бьютъ . . . . . — » 50 »
6. Безродновъ, Ал.—Спасайте Россію . . . . . — » — »

№№ **„ВОЕННАЯ БИБЛІОТЕКА“** Цѣна.

1. Памятка начальнику . . . . 1 р. — к.

„БИБЛІОТЕКА РАБОЧАГО“.

СЕРІЯ I. Е. Н Чирикова.—Бесѣды съ рабочимъ человѣкомъ.

1. О буржуяхъ и врагахъ народа . . . . 1 р. — к
2. О природѣ человѣка . . . . — » 50 »
3. Человѣкъ, классъ и партія . . . . . . 1 » »
4. Соціализмъ и Родина . . . . 1 » — »
5. Что такое идейный большевизмъ (печатается) . . . 1 » — »
6. Вѣра въ Бога и вѣра въ соціализмъ (печатается) . . 1 » — »

„КНИЖКИ ХЛѢБОРОБА".

1. Новизновъ, В.—Что надо хлѣборобу	1 р.	— к.
4. Ю. К.—Какъ улучшить сельское хозяйство крестьянъ	1 »	— »

Иловайскій Вл.—Годъ пути	3 р.	— к.
П-нъ.—Генералъ Корниловъ	— »	25 »
Сургучевъ, И.—Большевики въ Ставрополѣ	3 »	— »
Сидоровъ, Д. А.—Организованные разстрѣлы общественныхъ дѣятелей	— »	50 »
Вѣнскій, Е.—Къ людямъ вольныхъ горъ	— »	30 »
Жестокіе уроки	— »	30 »
Съ Войскового Круга	— »	75 »
За что мы боремся (декларація Добровольческой Арміи и письма генерала Деникина)	— »	25 »
Актъ о Пятигорскихъ звѣрствахъ	2 »	25 »
Свѣдѣнія о злодѣяніяхъ большевиковъ въ отношеніи церкви и ея служителей	1 »	50 »
Кн. Трубецкой, Е.—Звѣриное царство и грядущее возрожденіе Россіи	2 »	— »
Агеловъ, Е.—Колчакъ и Ленинъ	— »	25 »
Законы Совѣтской республики	1 »	50 »
Сказаніе о Совдепѣ и правдѣ Божьей	— »	25 »
Воробьевъ, Н.—О неосновательности притязаній грузинъ на Сухумскій округъ (Абхазію)	1 »	— »
Златогоровъ, К.—Дороговизна (причины и мѣры для ея устраненія)	— »	75 »
Ларинъ, Вл.—Какъ уберечься отъ холеры	— »	50 »
Кирилинъ, Ф.—Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Арміи генералъ М. В. Алексѣевъ	1 »	50 »
Шишовъ, П. И.—Почему надо беречь желѣзнодорожный транспортъ	— »	50 »
Проф. Гриммъ, Э. Д.—Какъ большевики захватили власть на Руси	1 »	25 »
Краевъ, Леонидъ.—Рабочій коммунистъ	— »	50 »
Проф. Малиновскій.—Учредительное Собраніе	— »	50 »
Холмскій I.—Церковь и школа	1 »	— »
Будиловичъ, Б. А.—Чѣмъ былъ Корниловъ для Россіи	— »	50 »
Св. Успенскій, Н. А.—О поруганіи святыхъ мощей	1 »	— »
Можно ли обойтись безъ вѣры въ Бога	— »	50 »
Билимовичъ, Александръ.—Революція, большевики и хозяйство въ Россіи	2 »	— »
Б. И. Ч.—Адмиралъ Колчакъ	— »	50 »
Кн. Косаткинъ-Ростовскій, Ф.—Голгоѳа Россіи (стихи)	10 »	— »
Волховинъ, В.—Къ молодежи	— »	— »
Свободный гражданинъ.—Прежде и теперь	1 »	25 »
Проф. Алексѣевъ, А. А.—Единая или федеративная Россія	2 »	— »
Соловейчикъ, А. С.—Борьба за возрожденіе Россіи на востокѣ	— »	— »
Инж. Красинъ, Л.—Обнищаніе Россіи или большевистская коммуна	3 »	— »
Чириковъ, Е. Н.—Народъ и революція	— »	50 »
Его же.—За сыномъ	— »	— »
Почему надо бороться съ большевиками	— »	50 »
Да воскреснетъ Богъ!	— »	20 »
Карачаровъ, Петръ.—Двѣ смуты	1 »	»
Ужасы чрезвычаекъ	1 »	— »
Каширскій, Андрей.—Почему намъ нужна Москва	— »	50 »
Туземцевъ, Ник.—Генералъ Лавръ Георгіевичъ Корниловъ	1 »	— »
Вѣнскій, Е.—Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ	10 »	— »
Проф. Малиновскій, I.—Единая Россія и самостоятельность областей	1 »	— »
В. Щ.—Казаки	— »	75 »
Савенко, Ан. Ив.—Украинцы или Малороссы	2 „	— „
Анчарова, М.—Работница	1 „	— „
Дѣдъ Волхоня.—Сказка про Ивана—царевича	1 „	— „
Стороженко, А.—Малая Россія или Украина?	1 „	— „
Наживинъ, Ив.—Что нужно знать солдату	1 „	— „
Свободный Гражданинъ.—Что намъ нужно?	2 „	„
Некрыловъ,—Лебедь, щука и ракъ	10 „	— „
Волховинъ, Вл.—Моя хата съ краю	— „	50 „
Зайцевъ, К. Д.—Собственность и земля	1 „	— „
Пронинъ, В.—Лавръ Георгіевичъ Корниловъ	1 „	50 „

18

Цѣна 6 руб.